

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Отдел истории Византии
и Восточной Европы

Каптеревские чтения

18

МОСКВА
2020

**ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ТУЛЫ
В XIV–XV ВВ.**

Рикардо Феликсович Иглесиас

Институт всеобщей истории РАН

Аннотация. В статье рассматривается проблема территориальной принадлежности Тулы и ее округа в XIV–XV вв. в связи с пересечением политических интересов Москвы, Литвы, Орды и удельных княжеств в среднем течении реки Упы. Ревизия ранее выдвинутых гипотез и повторное рассмотрение наличных источников приводит автора к новой интерпретации ряда историко-географических реалий и позволяет по-новому определить роль Тулы как «буферной» территории во взаимоотношениях крупнейших политических сил, действовавших на рубежах древнерусских земель и степного мира.

Ключевые слова: Тула, формирование, исторические источники, Литва, Москва, Рязань, Тайдула, буферная зона.

Первые достоверные исторические сведения о Туле появляются раньше всего не в летописях, а в актовом материале — междукняжеских договорах-докончаниях. Наиболее раннее из них — московско-рязанское докончание 1381 г. (ранее его датой иногда указывался 1382 г.¹).

1. См. краткое резюме дискуссии по поводу датировки докончания: Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 145. Прим. 45; *он же*. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 135–136. Прим. 27.

Приведем соответствующую статью этой грамоты полностью: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Тайдуле, и коли ее баскаци ведали, в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию»².

Содержание этого первого доступного для изучения исторического известия уже как нельзя лучше характеризует положение Тулы на стыке политических интересов и притязаний Москвы, Рязани и Орды, что наложило свой отпечаток на всю историю региона второй половины XIV–XV вв. Если расположить представленные в ней факты в хронологическом порядке, то самым ранним событием тульской истории, о котором сообщает dokonчание, станет пребывание Тулы под управлением представителей Золотой Орды — царицы Тайдулы

2. ДДГ. С. 29. Цитаты здесь и далее даются без воспроизведения вышедших из употребления букв и без обозначения выносных и сокращений. Поскольку расстановка публикатором знаков препинания может отражать принятую им интерпретацию текста, следует отметить, что в обоих предшествующих изданиях dokonчания запяты в этом предложении расставлены точно так же (Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 1. С. 92; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 54). Постановку запятой перед словами «и князю» можно рассматривать как придание союзу «и» не соединительного, а обособительного и даже противительного значения (Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. С. 25). Стоит, однако, иметь в виду, что предыдущий союз «и» также отмечен нетипичной постановкой запятой, причем никакого противительного оттенка в данном случае предполагать нельзя. Можно высказать предположение, что своеобразная расстановка знаков препинания (запятых) принадлежит первому издателю документа, Н.И. Новикову, тогда как последующие публикаторы, имея перед собой уже изданный текст в качестве образца или черновика, просто оставили запяты на своих местах. Сейчас уже невозможно установить, сделали ли они это осознанно или механически. Во всяком случае, трехкратное случайное совпадение в постановке запятых, противоречащей общепринятым правилам пунктуации, выглядит маловероятным. Что же касается первого публикатора, он мог руководствоваться собственным восприятием обоих вводимых союзом «и» оборотов как пояснительных, дополняющих естественный ход мысли автора текста, но отнюдь не противительных. В недавнем, четвертом по счёту, издании этого документа запятая перед союзом «и» в обоих случаях отсутствует (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 344).

и баскаков. Предшествующая история Тулы может быть лишь предметом более или менее обоснованных предположений. Некоторые исследователи полагают, что до середины XIV в. тульский регион принадлежал Рязани³, однако прямые подтверждения этому отсутствуют, если не считать указания на расположение Тулы «на Рязанской стороне», которое может пониматься как чисто географический ориентир, указывающий на правый берег Оки. Можно лишь предполагать, что земли по течению Средней Упы и Тулицы разделили после монгольского завоевания судьбу тех регионов Поочья, переход которых под власть Рязани не вызывает сомнений.

Попробуем определить в общих чертах территорию Тульского «баскачества» «как было при царице при Таидуле». Вероятно, она включала земли по течению р. Тулы (Тулицы) и какие-то прилегающие к ней местности, что должно более или менее соответствовать позднейшей территории стана Старое Городище (возможно, сформировавшегося вокруг Старой Тулы – см. далее), а также тульской крепости XVI в. на левом берегу Упы и ее посада. Сюда же следует, видимо, причислить земли будущего Заупского стана, занимавшего большую излучину Упы⁴. Эта минимальная территория первоначального тульского владения предположительно может быть расширена, однако едва ли она охватывала все правобережье Оки, от её меридионального течения на западе до рязанских пределов на востоке, достигая на юго-востоке правобережья Верхнего Дона и гранича на севере с землями

3. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 232; Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 105; Лаврентьев А.В. Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 45; *он же*. «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV – 1-й половины XV вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 211–235.
4. Подробнее см.: Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: Методика локализации. Дисс... канд. ист. наук. М., 2018. С. 257–259; *Иллесиас Р.Ф.* Формирование и первоначальный состав Тульского уезда: «дефицит» источников и возможности его преодоления // VII Зиминские чтения (в печати).

Московского великого княжения⁵. Последнему предположению противоречит как обособленное положение северной части указанного региона (будущий Каширский уезд), так и наличие в верховьях Оки владений одоевских и тарусских князей, а также литовского наместничества во Мценске. В Летописной повести о «побоище на Дону» переправа русской рати через Оку у устья Лопасни в августе 1380 г. однозначно трактуется как вступление в Рязанскую землю⁶. В августе 1382 г. Олег Рязанский «обвёл» войско Тохтамыша вокруг своей земли, выведя его на берег Оки близ Серпухова⁷. Следовательно, мы не имеем причин сомневаться в принадлежности этой части правобережья Оки. С другой стороны, правый берег верховьев Дона, близ устья Непрядвы, в Летописной повести называется частью ордынских земель⁸.

5. Так в: *Егоров В.А.* Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 23; *он же.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. С. 43. Ср.: *Григорьев А.Л.* Сборник ханских ярлыков русским метрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 126, 224 (при Тайдуле верховья Дона контролировались Тулой).
6. ПСРА. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 315; СПб., 1853. Т. 6. С. 92; Т. 6. Вып. 1. Стб. 460; Т. 8. С. 36; Т. 24. С. 145; М.-Л., 1949. Т. 25. С. 202; etc.; *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 14. Ранние, более краткие, летописные версии рассказа (Рогожский летописец, Симеоновская и Новгородская I летописи) такого указания не содержат (Памятники Куликовского цикла. С. 9, 22). Однако оно должно было содержаться в первоисточнике, полнее использованных при составлении Летописной повести, которая вошла в Новгородско-Софийский свод, доведённый до 1418 г. и в последующие своды. Предполагается, что сама Летописная повесть могла быть составлена ещё в конце XIV в., задолго до включения её в Новгородско-Софийский свод (см.: *Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011. С. 74).
7. ПСРА. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 330; СПб., 1853. Т. 6. С. 99; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 474; СПб., 1859. Т. 8. С. 44; СПб., 1897. Т. 11. С. 72, 73; СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 203; М.-Л., 1959. Т. 26. С. 147; etc. По более поздним писцовым материалам можно видеть, что здесь же начиналась западная граница Каширского уезда, предположительно совпадавшая с прежней границей Рязанского княжества на северо-западном её отрезке.
8. Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 318; Т. 6. С. 94; Т. 6. Вып. 1. Стб. 463; Т. 8. С. 38; СПб., 2002. Т. 42. С. 141; М., 2004. Т. 43. С. 134; etc.; *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле. С. 14. Таким образом, об этом говорится в Летописной повести разных редакций и изводов. Аналогичные указания имеются в Задонщине и Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича (*Амелькин А.О., Селезнёв*

Существует также родовое предание, согласно которому после 1371 г., ещё при жизни Олега Ивановича Рязанского (ум. 1402), его боярин Иван Мирославич, бывший татарский мурза Салахмир, получил от князя в вотчину Венёву и соседнюю с ней Веркошу — обе они лежали на восток от Тулы, отделяя её от Рязани, — а также находившиеся к северо-востоку и северу от Тулы, между нею и Окой, Растовец и Беспутский стан⁹. Если во время этих пожалований тульский регион ещё не перешёл под контроль Рязани (что весьма вероятно, ибо новоприбывший вельможа должен был получить основную часть своих рязанских владений вскоре после начала службы Олегу), то все перечисленные волости, вошедшие впоследствии в Венёвский и Каширский уезды (небольшие части Веркоши и Растовца оказались в составе Тульского уезда)¹⁰, должны были располагаться за пределами Тулы времён прав-

Ю.В. Куликовская битва ... С. 213–214). Летописный рассказ, восходящий к своду 1409 г. (Рогожский летописец, Симеоновская летопись), не содержит такого утверждения и даже, как может показаться, противопоставляет район Куликовской битвы и «землю Татарскую» (Памятники Куликовского цикла. С. 17). Однако независимое от него и, видимо, не менее древнее известие Новгородской I летописи прямо говорит, что Дмитрий Иванович «вниде бо в землю их [«безбожных Татарь» — Р.И.] за Донь» (Там же. С. 22). Эти слова относятся к предложению, которое читается во всех трёх названных летописях, так что уточнение «в землю их» могло содержаться уже в предшествующей по времени летописной записи, составленной в конце XIV в. (Там же. С. 26, 27). Комментаторы, тем не менее, считают эту территорию принадлежавшей в 1380 г. Рязани или Ельцу, а слова «в землю их» приписывают ошибке новгородского летописца (Там же. С. 17, 27). Следует иметь в виду, что формальная принадлежность окраинных малонаселённых земель Рязани была, вероятно, совместима с их использованием под татарские кочевья (см.: Амеликин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва ... С. 215–216).

9. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 197 (со ссылкой на родословие Вердеревских, ср.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., 1797. С. 56; Бобринский А.[А.] Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890. Ч. 1. С. 403–408; Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII вв. / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. Т. 4. С. 63). Дата пожалования, по-видимому, выведена приблизительно из содержания легенды. Хотя историческая ценность этого предания спорна (см. выше), географическое распределение пожалований может соответствовать местоположению первоначальных владений Салахмира.
10. Местоположение названных волостей в границах сложившихся к концу XVI в. уездов см.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 258 (карта).

ления Тайдулы и баскаков. Итак, территория «баскачества», скорее всего, занимала лишь более или менее значительную часть территории Тульского уезда в его границах конца XVI в., нигде не выходя за эти пределы. От основного массива московских земель она была отделена полосой рязанских владений на правом берегу Оки¹¹.

Неясно, подразумевается ли под Тулой в докончании 1381 г. город (укрепленное поселение) с его округой или же только историко-географическая область¹². Словом «место» в документах XV–XVI вв. часто обозначалось несколько расплывчатое политико-географическое понятие, близкое волости или стану, но не указывавшее, в отличие от них, на четкий административный статус соответствующей территории, который мог быть еще не вполне определенным или же попросту безразличным «списателю». Не исключено, что это слово могло означать и просто географический район или населённый пункт. Все же, учитывая официальный характер рассматриваемого документа, созданного в видах территориального размежевания, первая интерпретация выглядит более вероятной, как и наличие в Туле в то время хотя бы небольшого укрепления. Само местоположение тогдашней Тулы пока что точно не установлено. Ввиду отсутствия на территории более позднего города, расположенного напротив устья р. Тулицы, при впадении её в Упу, археологических комплексов XIV–XV вв., остатки древнейшей Тулы следует искать на одном из близлежащих средневековых городищ. Предполагается, что в XIV – начале XVI вв. она находилась не в устье, а примерно в 10 км выше по течению этой реки, на месте Тороховского городища¹³, хотя не исключено (и это было

11. Сходным образом трактуют границы тульского владения и другие исследователи, напр.: *Горский А.А.* От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 103.
12. Некоторые авторы называют Тулу середины–второй половины XIV в. городом, ничем, однако, не подтверждая выбранный ими термин (напр.: *Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды... С. 41–42; *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 126).
13. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 209–212; *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье... С. 256–259. Один из притоков Тулицы вблизи Тороховского городища назывался Боскачным (Боскаченским) отвершком (Там же. С. 259).

бы даже логичным: перенос города на другой берег реки — явление нередкое), что она располагалась на Старом Тульском городище при впадении Тулицы в Упу, напротив позднейшего Кремля¹⁴ — в таком случае на Тороховском городище можно было бы локализовать Берестий, загадочный спутник Тулы договоров 1402, 1427, 1434 и 1447 гг., нигде более не упоминаемый¹⁵.

О составе населения Тулы и ее региона до начала широкой русской колонизации во второй половине XV в. положительных сведений нет. Высказывалось предположение (впрочем, ничем не аргументированное), что Тула была в то время одной из территорий «с редким русско-татарским населением», где преобладал или главенствовал татарский элемент¹⁶. В.А. Егоров, считая население этой «буферной зоны» русским, допускал проживание на территории тульского баскачества ордынцев и делюев, особой категории населения, находившейся во второй половине XIV в. в совместном ведении московского и серпуховского князя и тесно связанной с Ордой¹⁷. Это предположение не кажется нам достаточно убедительным, ибо в таком случае Владимир Андреевич Серпуховской был бы упомянут в статье dokonчания, касающейся Тулы. Некоторые историки полагают, что тульские земли оставались в это время незаселенными¹⁸.

Чрезвычайно важен вопрос о том, как именно было организовано и каким образом осуществлялось баскаческое управление Тулой. Сложность его решения обусловлена, помимо привычного дефицита источников, не вполне ясным и, вероятно, неоднозначным со-

14. См.: Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье... С. 261–264. К сожалению, время существования поселения на этом городище, впервые упомянутом в конце XVI в., до сих пор не определено.
15. Ср.: Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 211.
16. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 40, 41, 46.
17. Егоров В.А. Граница Руси с Золотой Ордой... С. 23; *Он же*. Историческая география Золотой Орды... С. 42.
18. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 139; ср.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 26; Каргалов В.В. На степной границе: Оборона крымской Украины Русского государства в первой половине XVI в. М., 1974. С. 37 («Именно в районе Тулы русское население раньше, чем в других местах, продвинулось на юг»).

держания самого термина баскак¹⁹. Известно, что баскаки, помимо военно-полицейских и надзорных функций в покоренных областях, сохранивших свою традиционную систему управления, осуществляли, по крайней мере в отдельные периоды, прямую власть, подобную наместнической²⁰. Именно в такой роли мы вправе рассматривать их присутствие на Туле. Можно предположить, что на определенной стадии развития института баскачества власть баскаков, ранее тесно связанная с княжескими столами, была территориально отделена от резиденций русских князей, что повлекло за собой своеобразную «феодализацию» этой должности. Очевидно, в распоряжение баскака передается теперь определенная территория из состава земель соответствующего княжения или смежных с ним лесостепных пространств, доходы с которой должны отныне поступать, полностью или преимущественно, в пользу данного баскака и его преемников. Таким путем на окраинах русских княжеств могли появиться полусамостоятельные «баскачества», одним из которых и стала Тула, переданная, по-видимому, в руки рязанского баскака (возможно, вместе с некоторыми другими окраинными территориями, исторически связанными с Рязанским княжеством)²¹. Трудно установить, осуществлялось ли управление «баскачеством» единолично или же совместно «коллективной» баскаков. Хотя в dokonчании 1381 г. речь идет о баскаках (мн. ч.), это слово могло означать хронологическую последовательность правителей, следовавших друг за другом. Более определенно свидетельствует грамоты митрополитов Феогноста и Алексея (40–50-е гг. XIV в.) на Червлёный Яр (в Верхнем Подонье), в числе адресатов которой назва-

19. Об этой должности и сходной с ней должности даруги см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.-Л., 1940. С. 12, 14–17, 20, 23, 78, 104–105, 145–146; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.-Л., 1950. С. 31, 53, 54, 81, 130, 131, 220–222; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1977. С. 192–193; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 30, 31; *Назипов И.И.* Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242–1502 годы). Пермь, 2014. С. 116–118, 220.
20. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 12; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 30, 31.
21. В самой общей форме сходная мысль была сформулирована еще А.Н. Насоновым (*Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 78), но не получила у него развития.

ны «баскаки»²². Следовательно, одновременное функционирование на рязанских окраинах, в т.ч. в Туле, двух или нескольких баскаков действительно могло иметь место. Подобный феномен может объясняться постепенным превращением должности баскака в потомственный титул, который мог переходить сразу к нескольким наследникам.

Следующим этапом в истории Тулы, о котором узнаём из докончания 1381 г., является её переход под власть Дмитрия Донского²³. Это событие предположительно относят ко времени «Великой замятни» 60–70-х гг. XIV в., либо к первым её годам, «вскоре после начала ордынских смут»²⁴, либо к более поздним этапам, концу 60 – началу 70-х гг. или даже ко времени после битвы на Воже 1378 г. и Куликовской битвы 1380 г.²⁵ Первая датировка, с определённой точки зрения, выглядит слишком ранней. Пока Мамай был ещё силён и прочно удерживал власть в своих руках, будучи в состоянии противодействовать экспансии Дмитрия даже на западных границах его владений²⁶, московский князь не мог самовольно занять территорию, подконтрольную Мамаевой Орде. Поэтому возможность аннексии Тулы вряд ли могла возникнуть ранее 1370 г., когда Дмитрий впервые проявил

22. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 312, 313.
23. Неоправданно стремление некоторых историков отсчитывать московское правление в Туле с 1381 г. (напр.: *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С. 212; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 32, 184). В московско-рязанском докончании этого года Тула прямо названа «местом» Дмитрия Ивановича, что указывает на принадлежность ее Москве ко времени заключения договора. Таким образом, отсчет властвования Дмитрия Донского над Тулой ни при каком раскладе не может вестись с 1381 г., но только с более ранней даты. Нам же представляется почти несомненным, что Тула находилась под властью московского князя *непосредственно до 1381 г.*
24. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 78. Прим. 1.
25. *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV в. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 147; *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258. Ср.: в августе–сентябре 1380 г., во время похода на Дон, или во времена «замятни» в 1360-е гг. (*Горский А.А.* От земель к великим княжениям. С. 102).
26. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 128–130. О близости Мамаевых улусов к тульской территории: Там же. С. 124.

неповиновение Мамаю, пока что избегая, тем не менее, открытого разрыва с ним²⁷. Но и период между 1370 г. и 1374 г. не был особенно подходящим для односторонней акции по овладению тульским регионом: в это время шла ожесточённая московско-тверская война за великое княжение, в ходе которой Мамай, соблюдавший формальный нейтралитет, исподволь благоволил Твери²⁸. Раздражать его захватом Тулы было бы неразумно, ибо это могло превратить Мамаеву Орду в открытого врага Москвы, что грозило Дмитрию, помимо прочего, утратой великокняжеских прерогатив. Не случайно предпринятая в 1371 г. попытка установления политического контроля над Рязанью окончилась для Москвы неудачей²⁹. Быстрая реставрация разбитого и изгнанного москвичами Олега Ивановича Рязанского на его княжеском столе, при характерном отсутствии реакции на это со стороны Москвы и каких-либо объяснений в московских летописных сводах, едва ли могла произойти без вмешательства Мамаю³⁰. Более благоприятное время для территориальных захватов на юге наступило после 1373 г., с началом нового обострения междоусобной борьбы в Орде³¹ и заключением желательного для Москвы мира с лояльными

27. Там же. С. 129–130.

28. Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва: Сб. статей.* С. 79–89, 95.

29. Там же. С. 86–87.

30. В пользу такого предположения могут служить родословные легенды (историческая достоверность которых не доказана, но и не опровергнута), повествующие о помощи, оказанной Олегу в это время (в печатных изданиях указан 1371 г.) неким мурзой Салахмиром, предком нескольких рязанских служилых родов, с его татарской дружиной (*Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи.* С. 56; *Бобринский А.[А.]* Дворянские роды... Ч. 1. С. 403–408; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 164, 197 (со ссылкой на архивное родословие Вердеревских); *Пресняков А.Е.* Образование Великоорусского государства. М., 1998. С. 408. Прим. 31; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 131; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // *Архив русской истории.* М., 1995. Вып. 6. С. 63–64; ср.: *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.: *Очерки социально-экономической и политической истории Руси.* М., 1960. С. 586).

31. ПСРА. СПб., 1897. Т. II. С. 19. Обстоятельства и хронология новой ордынской смуты во многом неясны, различные варианты реконструкции событий см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 131 и сл.; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая

Мамаю Литвой и Тверью (1372–1373 гг.)³², в особенности же после окончательного «розмирия» Дмитрия с Мамаем в 1374 г.³³ С другой стороны, вполне возможно предположить и добровольную передачу Тулы Москве во время существования мирных и взаимовыгодных отношений между Мамаем и московскими властями³⁴. Такое предположение сдвигает *terminus post quem* перехода Тулы под власть Москвы на первую половину 60-х гг. XIV в.³⁵ Косвенно оно подкрепляется

- Орда и её падение. С. 286–289; *Егоров В. А.* Развитие центрбежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 48; *он же.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. С. 201–202; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 45; *он же.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 162–164; *Варваровский Ю. Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008. С. 90–92, 104; *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб., 2012. С. 165–166; etc.
32. *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сб. статей. С. 153. Решительная победа над Тверью, оставшейся без помощи Ольгерда и Мамаю, была достигнута в 1375 г. (Там же. С. 154).
33. ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 106; Т. 11. С. 21.
34. Прямого вмешательства Мамаю в дела Северо-Восточной Руси не заметно до 1370 г. (правда, в 1368 г. неожиданное прибытие в Москву татарских послов сорвало планы московских властей, уже было заманивших тверского князя в ловушку, однако из летописных рассказов об этом событии неясно, было ли оно преднамеренным демаршем Орды или же случайным совпадением). В предшествующие годы Дмитрий, направляемый митрополитом Алексеем, и Мамаю шаг за шагом укрепляли свою власть, соответственно, на Руси и в Степи, устраняя соперников, которые, со своей стороны, обычно находились в симметричных союзно-данныческих отношениях (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68–95; СПб., 1913. Т. 18. С. 100–110; Т. 6. Вып. 1. Стб. 433–439; Т. 20, 1-я пол. С. 189–193; М.-Л., 1949. Т. 25. С. 181–186; СПб., 1885. Т. 10. С. 230–234; Т. 11. С. 1–14; etc.; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли... С. 57–81; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 145–157; *Варваровский Ю. Е.* Улус Джучи... С. 99–100, 103; *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 160–163). Слабая заинтересованность со стороны Мамаю на данном этапе в жёстком контроле над русскими княжествами, помноженная на выгоды добрых отношений с Москвой, создавала подходящий политический фон для передачи Тулы московскому князю – возможно, с целью обеспечить тыл московского союзника, занятого борьбой с противниками Мамаю на Руси, от нападений неподвластных последнему степных предводителей.
35. Московское княжество признало власть Мамаю в 1363 г., приняв от его подставного хана ярлык на великое княжение (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74; Т. 18. С. 101–102; Т. 11. С. 2; etc.). Ранее этого времени правительство митрополита Алексея

отсутствием сообщений в русских летописях о присоединении Тулы и ответных действиях со стороны Орды, хотя летописцы тщательно фиксировали вооруженные столкновения между русскими князьями и ордынскими властителями, а захват стратегически важного региона, расположенного недалеко от степной границы на прямом пути к Москве, не мог остаться без ответа. Единственное событие, в котором можно было бы усмотреть военный ответ Мамаю на предполагаемый захват Тулы, — это разорение подвластными ему татарами Новосилья в декабре 1375 г. Правда, Никоновская летопись считает эту акцию возмездием за участие новосильского князя в походе Дмитрия Московского на Тверь, в нарушение выданного весной того же года ханского ярлыка, передававшего великое княжение Михаилу Тверскому, но эта интерпретация может быть домыслом летописца — в других летописных сводах подобный комментарий отсутствует³⁶. В любом случае набег на Новосиль, как и неспособность Мамаю оказать помощь своему тверскому протезе летом того же года³⁷, демонстрирует ограниченность военных возможностей властелина Мамаевой Орды в указанное время³⁸: ему пришлось довольствоваться разорением

было поглощено борьбой за восстановление пошатнувшихся позиций Москвы и возвращение её князю ярлыка на Владимир, утраченный в 1359–1360 гг. вместе с рядом других территорий, и не обладало необходимым военно-политическим ресурсом для эффективного удержания далёкого южного анклава, что делает присоединение Тулы в первые годы «замятни», вплоть до 1363 г. включительно, маловероятным.

36. ПСРА. Т. 11. С. 24; *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли... С. 103; ср.: ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113.

37. *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 154.

38. В интервале между летом 1374 г. и весной 1376 г. Мамай, как позволительно думать, был занят борьбой с захватившим Сарай правителем Синей орды Урус-ханом; возможно, уже осенью или зимой 1375 г. в Сарае появился новый претендент, Каганбек, что также могло потребовать вмешательства Мамаю (*Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. С. 45; *он же.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 163, 169, ср. С. 204–205; *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи... С. 91–92; ср.: *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. С. 165, 167). Ещё в конце июня–начале июля 1375 г. Мамай обнадёживал Михаила Тверского, выдав ему ярлык на великое княжение и, очевидно, обещав свою помощь (что было позднее интерпретировано летописцем как обман — «лесть бесерменская»), однако во всё время боевых действий (август–начало сентября) Орда оставалась в стороне от конфликта, прямо затрагивающего её интересы и пре-

второстепенного окраинного княжества, чья столица, лежавшая в преддверии степи, была практически беззащитна перед внезапным нападением, да опустошением немного ранее окраин Суздальско-Нижегородской земли, тогда как все остальные участники возглавляемой Москвой обширной княжеской коалиции, бросившей Мамаевой орде открытый военный вызов, остались безнаказанными. Следовательно, и захват Тулы, если он произошёл около того же времени, мог повлечь за собой не столь жёсткую реакцию, какой можно было бы ожидать ранее или позднее. Таким образом, обе предложенных хронологии овладения Тулой являются по-своему оправданными, хотя их авторы и не пояснили, как именно они представляют себе это событие.

Между тем, существует летописное известие, которое можно принять за не прямое, но достаточно определённое свидетельство московского обладания Тулой. Краткая запись за 6884 (1376/7) г., сохранившаяся в Рогожском летописце и почти дословно, с небольшими уточнениями, повторённая Никоновской летописью, гласит: «Того же лета князь великии Дмитрии Московьскыи ходилъ за Оку ратию, стерегася рати Тотарьское» (в Никоновской далее добавлено: «... отъ Мамая»)³⁹. Годовые статьи данной части Рогожского летописца, как правило, двусоставны и отражают два разных источника, механически сведённые вместе и расположенные в пределах каждой статьи последовательно, один за другим, невзирая на возможные противоречия и повторы. Интересующая нас запись находится, по-видимому, на стыке двух составных частей летописной статьи, открывая собой вторую из них (внутренних хронологических перебоев в каждой из двух частей не наблюдается, не считая обычного «забегания

стиж. Это может указывать на начало нового обострения военно-политической борьбы в Степи, очевидно, связанного со вступлением в неё Каганбека, правление которого датируется некоторым периодом между июнем 1375 г. и маем 1376 г. Тогда карательные походы Мамая на Русь следует связывать с окончанием острой фазы конфликта и утверждением Каганбека в Сарае в конце лета или осенью 1375 г. Существующие хронологии правления сарайских ханов, кажется, не учитывают эти датирующие моменты.

39. ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116; Т. 11. С. 24. Остальные отличия Никоновской никак не влияют на смысл сообщения.

вперёд» для логического завершения начатого рассказа)⁴⁰. Поэтому для определения её временной привязки имеет значение лишь следующее за ней известие, также не датированное, но по другим источникам относимое к июню 1376 г.⁴¹ Значит, выход Дмитрия Ивановича за Оку следует датировать весной 1376 г. (мартом – маем мартовского года), что в целом соответствует началу ежегодной сторожи на окских берегах, известной из позднейших разрядных книг.

Не будем сейчас касаться вопроса, почему Дмитрий предпочел ждать противника по ту сторону Оки, а не под её прикрытием (можно ещё вспомнить его марш через Рязанскую землю к реке Воже в 1378 г. и решительный переход через Дон навстречу Мамаеву войску в 1380 г.). Возможно, московский князь, внимательно следивший за быстро меняющейся обстановкой в Степи, рассматривал также вариант наступательных действий, при котором он сможет ударить в тыл либо во фланг орде своего бывшего сюзерена в случае его поражения. Не исключено, что великий князь, напротив, выступил в сторону Поля, получив вести о готовящемся походе Мамаю на Русь (как позднее в 1378 г.), но поход почему-то не состоялся⁴². Нам важнее всего понять, на чьей территории расположил Дмитрий свою рать за Окой. Прохождение в то время московско-язанской границы по среднему течению Оки не оставляет сомнений, что, перейдя реку, московские полки должны были оказаться в пределах Рязанской земли (подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже). Отношения между Москвой и Рязанью во второй половине XIV столетия были,

40. Составитель Никоновской летописи по каким-то причинам переставил это известие в начало годовой статьи. Поскольку вторичный характер этой последней записи, дошедшей в составе позднего свода, не вызывает сомнений, её расположение здесь не имеет большого значения, однако не противоречит устанавливаемой далее хронологии.

41. *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли... С. 104.

42. Если уже осенью 1375 г. в Сарае сидел Каганбек, который сумел продержаться там до 1377 г. и которого разные историки считают то союзником, то противником Мамаю (*Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 169–171; ср.: Там же. С. 204, 205; *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи... С. 92–93; *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. С. 167), то 1376 г. должен был стать благоприятным временем, соответственно, для наступления Мамаю на Русь или же для атаки на него со стороны Руси.

как известно, чрезвычайно сложными и часто развивались непредсказуемым образом. Тем не менее, насколько можно судить, какого-то их обострения в 1375–1376 гг. не наблюдалось⁴³. Поэтому, казалось бы, нельзя исключать дислокацию московского войска на рязанской территории с согласия великого князя Олега Ивановича. Принять это предположение, однако, мешает ряд обстоятельств. Во-первых, никогда ранее, даже во времена дружбы и союза с Рязанью, московский князь не становился с войском на рязанских землях. Во-вторых, все прежние противоречия, трения и старые счёты с Рязанским княжеством были лишь на время приглушены, но оставались по-прежнему неразрешёнными, что было хорошо известно обеим сторонам. Хроническая неопределённость в отношениях с Рязанью вкупе с непредсказуемым и двуличным характером её князя не давали оснований слишком доверяться лояльности рязанцев, рискуя в любую минуту увидеть врага у себя за спиной. В-третьих, совместная военная кампания Москвы и Рязани предполагала, очевидно, какую-то форму участия также и рязанского князя с его войском, личные встречи двух князей, переговоры между ними и т. п., но ни о Рязани, ни о рязанцах нет ни малейшего упоминания как в рассматриваемом известии, так и во всех вообще летописных сообщениях за тот же год⁴⁴. Всё это заставляет скептически отнестись к версии о выдвигении в 1376 г. московской рати на рязанскую территорию. Но где же ещё за Окой могли располагаться в то время полки Дмитрия Ивановича? Принимая во внимание хронологическую близость изучаемого события к тому времени, когда принадлежность Тулы московскому великому князю засвидетельствована документально, не будет большой смелостью предположить, что войско Дмитрия, переправившись через Оку и пройдя сквозь расположенную на правом её берегу полосу рязанских владений, встало на территории бывшего тульского «баскачества», которое либо уже тогда принадлежало Москве, либо было занято и присоединено к владениям Дмитрия Ивановича как раз во

43. Кучкин В.А. Русские княжества и земли... С. 101.

44. Ср.: ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134 («... князь великий Дмитрией Иванович[ъ], собравъ воя многы... и переяхавъ за Оку, вниде [въ] землю Рязаньскую», 1378 г.); также см.: Т. 18. С. 127; Т. 6. Вып. 1. Стб. 452; etc.

время этого похода. Такая гипотеза, не противореча известным фактам, даёт им наиболее удовлетворительное объяснение⁴⁵.

Некоторые историки, стремящиеся сформулировать менее «москвоцентричный» подход к истории взаимоотношений Руси и Орды (что нередко оборачивается всего лишь диаметральной сменой тенденции), объясняют военно-политические акции великого князя Дмитрия и его союзников в 1374 г. и в последующие годы их переходом на сторону сарайских ханов — противников Мамаея⁴⁶. В таком случае и неожиданное выступление московского войска за Оку в 1376 г., и связываемое с ним занятие Тулы следовало бы признать частью «большой игры» на просторах Степи, что придаёт проблеме политической истории тульского владения новое измерение, не ограниченное лишь рамками отношений русских земель с Ордой Мамаея. Впрочем, события этих лет можно рассматривать и в более традиционном ключе — как попытку Дмитрия Московского и возглавляемой им коалиции русских князей, пользуясь обострением междоусобной борьбы кочевых властителей и связанным с этим ослаблением власти Мамаея, проводить более самостоятельную и наступательную политику по отношению к Степи. Признание при этом названными князьями власти эфемерных правителей Сарая, лишённых возможности оказать им существенную помощь или серьёзно угрожать их границам (даже русские земли в Среднем Поволжье были ограждены в то время владени-

45. Конечно, тульская дислокация московских сил не исключала враждебных действий рязанцев в их тылу. Тем не менее, она обладала тем преимуществом, что устраняла ситуацию ложного союза, избавляя московских воевод от близкого присутствия рязанских войск и администрации, как и от необходимости полагаться на содействие рязанцев в вопросах логистики, снабжения и т.п. Любые потенциально опасные передвижения рязанских полков могли быть заблаговременно открыты и нейтрализованы. При этом безопасность тылов могла обеспечиваться, например, соглашением с рязанским князем о временной «демилитаризации» территории, отделявшей тульский анклав от основной массы московских земель. Решение всех этих вопросов было бы намного более затруднительным при нахождении московского войска в пределах Рязанской земли.
46. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 164, 165, 169, 170; ср.: Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. С. 166, 167. Последний из названных авторов формулирует эту концепцию более осторожно, применяя её безоговорочно лишь к событиям 1377 г.

ями болгарских и мордовских князей, признававших власть Мамаю), выглядит хотя и не невероятной, но совершенно необязательной гипотезой, не подкрепляемой к тому же показаниями источников.

Условия договора 1381 г. в той его части, которая касается Тулы, давно стали предметом исследовательских разногласий, касавшихся в первую очередь двух вопросов. Во-первых, известное недоумение вызывало значение слов «как было при царице при Тайдуле и коли ее баскаци ведали». Во-вторых, требовалось найти объяснение видимому противоречию между начальной и заключительной частью договорной статьи: великому князю Дмитрию Ивановичу как будто бы запрещалось, как и его рязанскому партнеру, вступаться в Тулу, только что названную его собственным владением. «Темные места» московско-рязанского докончания породили обширную историографию, не избежавшую, в свою очередь, внутренних противоречий и недоразумений. Поэтому представляется уместным еще раз вернуться к данной проблеме, рассматривая ее как в историографическом, так и в источниковедческом аспекте.

Начнем с первого спорного фрагмента, который к тому же является единственным историческим свидетельством о политическом положении Тулы ранее последней четверти XIV в. Одни историки понимали отсылку ко временам Тайдулы⁴⁷ и баскаков как указание на

47. Царица (ханша) Тайдула – старшая жена хана Узбека, мать Джанибека (годы правления 1342–1357), при котором она была провозглашена «главной матерью» хана и пользовалась исключительным влиянием, выдавая от своего имени указы и участвуя в формировании русской политики Орды, особенно по части отношений с владимирской митрополией. При преемнике Джанибека Бердибеке (1357–1359), внучке Тайдулы, её влияние, возможно, переживало некоторый спад, но она по-прежнему оставалась заметной политической фигурой, её родственники, включая знаменитого впоследствии Мамаю, занимали видное положение в государстве. При захватившем трон Кульпе (Кульне) (1359–1359/60) роль властолюбивой ханши, по-видимому, сошла на нет, однако была полностью восстановлена, когда ханом стал её ставленник Базарджи, отождествляемый с Наурусом (1359/60–1360). Однако последовавший вскоре очередной переворот в Орде привёл к гибели Тайдулы (1360 г.; иногда в литературе датой её смерти указывается 1361 г., что противоречит достаточно точной хронологии русских летописей) (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 257–258; Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 46, 123, 141, 142, 204, 224, 225; Варваровский Ю.Е. Улус Джучи... С. 74–77; Насо-

территориальные пределы «Тулы» через их соотнесение с недавно существовавшим там владением⁴⁸, границы которого, видимо, были еще на памяти⁴⁹; другие относили те же слова не к географическому очертанию, а к политико-административному устройству этой территории⁵⁰. По мнению последних, в 1381 г. или незадолго до этого Тулу

нов А.Н. Монголы и Русь. С. 117–118 (прим. 4), 121–122 (прим. 5); *Егоров* В. А. Развитие центробежных устремлений... С. 47; *он же*. Золотая Орда перед Куликовской битвой. С. 183. Прим. 25; *Почекаев* Р.Ю. Цари ордынские. С. 146, 147; ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68–69; Т. 18. С. 100). Заметим, что ставшая, с лёгкой руки знаменитого историографа, широко распространенной этимология, выводящая топоним Тула из имени Тайдулы (*Карамзин* Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 46), должна быть, безусловно, отвергнута (см.: *Кучкин* В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 231).

48. Время «при царице при Таидуле» А.В. Кучкин определяет, исходя из перечисленных вех её биографии, началом 40-х – второй половиной 50-х гг. XIV в., т. е. годами её фактического правления в Орде (*Кучкин* В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258). Видимо, по этой причине историк предпочитает говорить не об отдельном тульском владении Тайдулы, а об «ордынском управлении» Тулой, которая «являлась ордынским владением» (Там же. С. 257). Хотя такое толкование не противоречит тексту грамоты, его нельзя считать доказанным. Тайдуле действительно мог принадлежать особый вдовый или материнский удел, включавший Тулу (ср.: *Почекаев* Р.Ю. Цари ордынские. С. 129 — здесь необоснованно говорится о создании тульского апанажа для Тайдулы в правление Джанибека как об установленном факте). Но тогда должна быть расширена и возможная хронология времени «как было при царице при Таидуле». Ханша могла сохранить свой удел после отстранения от кормила власти, до самой своей гибели. Наконец, отдалённую Тулу могли назначить бывшей правительнице как место почётной ссылки. Это расширяет возможную хронологию правления Тайдулы в Туле на конец 50-х гг. XIV в., с 1360 г. как крайней датой.

«Ведение» Тулы баскаками А.В. Кучкин относит («очевидно») ко времени после правления Тайдулы, т.е., по принятой им хронологии, не ранее 1357 г.; окончание татарского правления Тулой историк предположительно датирует 1378 г. или 1380 г. (*Кучкин* В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258; ср.: *Он же*. Победа на Куликовом поле. С. 13 («Тула, в 70–80-е годы XIV в. управлявшаяся ордынскими баскаками»)).

49. *Пресняков* А.Е. Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49; *Кучкин* В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 257–258.
50. *Экземлярский* А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 114; *Егоров* В.А. Историческая география Золотой Орды... С. 41–42, ср.: С. 52. А.Е. Пресняков, по-видимому, несправедливо упрекает Д.И. Иловайского, отождествляя его позицию с точкой зре-

по-прежнему «ведали» баскаки и именно это положение закреплялось договором, подтверждавшим особый статус Тулы. Таким образом, легче всего объяснить взаимный отказ обоих великих князей от Тулы, как от старинного татарского владения, независимость которого они соглашались уважать. Встречный вопрос, почему в московско-рязанском докончании оговаривалось владение территорией, не подвластной ни Москве, ни Рязани, несложно парировать: Дмитрий Донской незадолго перед тем сумел как-то подчинить себе Тулу, а Олег Рязанский, очевидно, имел на неё исторические права, поэтому и отказ от претензий, касающихся этой территории, должен был носить обоюдный характер. Данная точка зрения выглядит приемлемой, если только учитывает ясную отсылку в договоре к правлению баскаков как к уже минувшему историческому факту. Лишь немногие из тех, кто придерживается «длинной» хронологии татарского правления Тулой, указывают предположительную дату его окончания. Иногда его продлевают, по меньшей мере, до рубежа XIV–XV вв.⁵¹ или даже до XVI в., вплоть до второй его половины⁵².

ния А.В. Экземплярского, в том, что он связывал особое, «какое-то исключительное» положение Тулы в эпоху московско-рязанского договора 1381 г. с продолжавшимся правлением в ней татар (Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49). На самом деле Иловайский приписывал «исключительное положение» Тулы тому обстоятельству, что «и тот и другой князь, по-видимому, от нее отказываются» (Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. С. 207. Прим. 202; он же. Исторические сочинения. Т. 1: История Рязанского княжества. Екатерина Романовна Дашкова. Граф Яков Сиверс. М., 1884. С. 139. Прим. 5). Далее он лишь цитировал текст грамоты со ссылкой на Тайдулу и баскаков, очевидно, с тем чтобы дать более конкретное понятие о Туле этого времени.

51. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 114; Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 40, 46, 47; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 258; Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой...; он же. Историческая география Золотой Орды... С. 41–43, 52. Последний автор подчеркивает номинальный характер власти Орды над Тулой в конце XIV в. и одновременно её нейтральный статус, что означает продолжение здесь баскаческого правления.
52. См.: Дедук А.В. «Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 157.

Существует возможность, кажется, ещё не рассмотренная в историографии, отнести «ведение» Тулы баскаками ко времени не после, а до правления Тайдулы, о чем и могло быть упомянуто в докончании в последовательно-ретроспективном порядке. Тогда вырисовывается такая последовательность владения Тулой. С какого-то времени Тула, бывшая, видимо, частью Рязанского княжества (возможно, номинальной, как и некоторые другие рязанские окраины), была передана под управление (потомственных?) баскаков, в которых можно усматривать «феодализированный» реликт первоначального Рязанского баскачества. Можно полагать, что кто-то из последних тульских баскаков выступил против восторжествовавшей в то время в Орде группировки или же проявил нелояльность центру и в итоге лишился своего владения, отобранного в пользу хана. К началу 40-х гг. XIV в. или же позднее, после смерти Джанибека, Тула стала особым владением ханши Тайдулы. Наконец, после гибели последней (вероятно, спустя некоторое время, от пары лет до пары десятилетий) Тула оказалась в руках Дмитрия Московского.

Недавно была предложена ещё одна трактовка тульской статьи докончания 1381 г. Тула, согласно данной концепции, представляла собой всего лишь административно-податную единицу в составе Рязанской земли, выделенную в 50-е гг. XIV в., при хане Джанибеке и ханше-матери Тайдуле, по итогам проведённой в ней баскаками переписи⁵³. Отправной точкой в построениях А.В. Лаврентьева послужило новое толкование глагола «ведали», который, по мнению её автора, означал вовсе не управление означенной территорией, а её фискальное описание с целью исчисления «выхода» в Орду. Таким образом, отрицается особый статус Тулы не только для конца, но и для середины – второй половины XIV в.⁵⁴ Представленная точка зре-

53. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 28–32, 184. Не совсем ясно, как представляет себе автор положение Тулы до середины XIV в. Из его рассуждений можно заключить, что Тула принадлежала Рязани и ранее этого времени.

54. Там же. С. 184. Автор напрасно приписывает сходное представление А.Е. Преснякову (Там же. С. 27). Последний не отрицал особого положения Тулы при Тайдуле и баскаках, возражая только против распространения этого статуса на более позднее время. В этом можно убедиться, хотя бы прочитав полностью то

ния содержит сразу несколько «узких» мест. Во-первых, практически единственной «фактической» её основой является выделение нового значения глагола «ведати». Однако подобная коннотация не фиксируется фундаментальными словарями древнерусского языка, которые указывают следующие значения этой лексемы: 1) «знать, иметь сведения, быть знакомым», 2) «знаться, быть в дружбе», 3) «признавать кого-либо», 4) «ведать чем-либо, распоряжаться, заведовать, управлять, иметь в подчинении» (глагол во всех приводимых примерах управляет существительным или местоимением в винительном падеже, за единственным исключением (1614 г.): «над кем»), 5) «относить (что-то) куда-либо, к чему-либо в административно-хозяйственном отношении» (управление: что (прямое дополнение) к чему, во что (косвенное дополнение))⁵⁵. Как видим, ни одно из приведённых семантических полей не пересекается со значением «проводить перепись, описывать»; даже последнее из перечисленных смысловых употреблений лишь на первый взгляд может показаться более или менее близким искомому — не говоря уже об особой грамматической конструкции, не соответствующей нашему случаю, сопровождающие данное значение примеры ясно указывают на то, что здесь имеется в виду постоянное, обычное, предписанное правом заведование или управление каким-либо недвижимым имуществом, но отнюдь не единовременное его отнесение или приписка. Не находим близких значений и для слов «ведание», «ведение», «ведети», «ведатися» и т. п. Да и сам автор разбираемого предположения не даёт ссылок на словарные статьи или примеры, взятые из источников. Наш собственный опыт чтения нарративных и актовых документов также не подтверждает вновь предложенного значения глагола «ведати». Если составители докончальной грамоты действительно подразумевали описание указанной территории, они могли бы употребить более подходящий для этого глагол, например, «(из)писати» или «изче-

самое место, которое А.В. Лаврентьев цитирует обрывочно и к тому же неточно (Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. С. 411. Прим. 49).

55. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 43–44; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2. С. 288.

сти», «изчитати», «изчисляти»⁵⁶. Для актового материала XIV–XVI вв. характерно использование слова «ведати» (помимо основного значения «знать») именно в смысле «управлять», «распоряжаться», «осуществлять власть»⁵⁷. Нет никаких оснований предполагать, что разбираемый случай представляет какое-то исключение и должен пониматься иначе. Во-вторых, автор не сумел обосновать необходимость проведения особой переписи в отдельно взятой области Рязанского княжества. Для эпохи татарского владычества известна лишь практика описания целых княжеств-земель, как правило, нескольких одновременно. Если, как пишет историк, целью предполагаемой реформы ордынского «выхода» при Джанибеке было увеличение размера дани в масштабах всей подвластной ему Русской земли или даже всей Рязанской земли⁵⁸, какой смысл имело бы описание одной только тульской волости? В-третьих, непонятна цель выделения в ходе этой переписи особого административно-податного округа в районе Тулы (это предположение необходимо автору для объяснения особого обобщения Тулы в докончании посредством указания дополнительных сведений о ней, что, видимо, свидетельствует о недавнем её существовании как самостоятельной единицы). Поземельное описание совсем не обязательно предшествовало, как утверждает исследователь, образованию новой податной единицы⁵⁹, обычно оно сопровождало перемену владельца, да и то лишь в тех случаях, когда описание земель проводилось уже самими русскими князьями, о чём говорят и те примеры, на которые ссылается автор. Монгольские численники, по имеющимся сведениям, переписывали уже существующие волости-области (в широком значении этого термина). Им не было особого интереса заниматься мелкими административными преобразованиями и созданием новых податных округов внутри княжеств — это было уже делом развёрстки положенной дани, производимой самими кня-

56. Ср.: «...и повеле исчести и исписати всю землю Рускую» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 271).

57. См. всего лишь в одном издании: ДДГ. С. 8, 19, 25, 27, 28, 36, 57, 65, 161, 198, 338, 340, 341, 361, 363, 382, 417, 425, 435, 444.

58. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 31.

59. Там же. С. 28.

зьями⁶⁰. Кроме того, необходимо объяснить, почему для организации переписи в пределах всего только одной части Рязанской земли потребовалось участие сразу двух или нескольких баскаков и почему это было функцией именно баскаков, а не численников, писцов или иных должностных лиц⁶¹. Наконец, требует дополнительного обоснования само предположение о возможности проведения переписи ордынскими агентами в одной из русских земель около середины XIV в.⁶² Присутствие в указанное время неких баскаков на южных границах Рязанской земли не может служить достаточным аргументом, ибо неясны ни их функции, ни степень реального подчинения Орде (для митрополитов они, судя по грамотам, лишь часть окормляемой паствы, ничем особенно не выделяемая из остальных категорий верхнего слоя местного православного населения⁶³). Если даже упомянутые баскаки действительно занимались исчислением и сбором дани в отдалённом и обособленном от Рязани (может быть, вообще не зависимом от неё) Червлёном Яру, ничто не говорит о возможности осуществления их «коллегами» подобных функций на собственно рязанской терри-

60. Не находя исторических оснований для предполагаемых им действий тульских баскаков, автор возвращается к уже отвергнутой им непосредственной связи между Тайдулой и Тулой «коли ее баскаци ведали» и находит возможные мотивы личной заинтересованности ханши в столь необычном мероприятии (Там же. С. 29–30). При этом он не уточняет, в чём именно могла состоять выгода для Тайдулы и её клана от создания нового податного округа в составе Рязанского княжества. Дальнейшие рассуждения на эту тему очень легко привели бы автора к заключению, что Тула вовсе не была просто одной из рязанских территорий и всё же имела какое-то особое отношение к Тайдуле. А это вновь ставит вопрос о существовании обособленного тульского владения или совладения, дополнительно усложняя существующую проблему необходимости объяснить механизм формирования и функционирования подобного «кондоминиума» или иной формы участия ханши в налоговой эксплуатации части русского княжества, отделённой от общеордынской системы взимания дани.

61. Ср.: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. С. 222.

62. Судя по отсутствию известий о новых ордынских переписях в русских землях, они прекратились уже к концу XIII в. (Назитов И.И. Северо-Восточная Русь... С. 125).

63. Русский феодальный архив XIV – первой половины XV в. М., 1987. Ч. 2. С. 292–296.

тории⁶⁴. Есть некоторые противоречия предложенному толкованию статуса Тулы и в самом тексте грамоты. Статьи в ней сформулированы таким образом, что сначала следует указание на прежнюю принадлежность каждой территории или комплекса земель, а затем на изменение этой принадлежности согласно условиям договора. О Туле в первой части статьи сказано лишь, что это «место» великого князя Дмитрия на «язанской» (т. е. правой) стороне Оки; нет ни малейшего намёка на её прежнюю принадлежность Рязани (ср. статью о левобережных рязанских местах). Отсутствует и указание на то, что рязанский князь «сступился» этой территории, как в случае трёх других местностей (Талицы, Выползова и Такасова), определённо передаваемых тем же dokonчанием Москве. Таким образом, предпринятая А.В. Лаврентьевым попытка дать альтернативное объяснение упоминанию о Тайдуле и баскаках в dokonчании 1381 г. не является достаточно обоснованной ни лингвистически, ни исторически, ни с точки зрения дипломатики.

Затруднения в этой части договора вызывает, помимо толкования вышеприведенной фразы в целом, еще и коррелят местоимения «ее». Относится ли оно к царице Тайдуле, т.е. Тулу ведали именно её баскаки,⁶⁵ или же к самой Туле, и тогда баскаки могли ведасть Тулу уже после Тайдулы⁶⁶? В пользу второго варианта как будто свидетельствует союз «и», связывающий правление Тайдулы и «ведение» баскаков как два самостоятельных и равноправных эпизода, хотя семантика этого союза, как мы вскоре будем иметь возможность убедиться,

64. Ср. гипотетическое объяснение происхождения тульских баскаков, изложенное нами выше.

65. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. С. 46; Полевой Н.А. История русского народа. М., 1833. Т. 5. С. 132; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории... С. 212; он же. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 83; Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 78 (прим. 1), 124; Егоров В.А. Граница Руси с Золотой Ордой... С. 22; он же. Историческая география Золотой Орды... С. 41–42 (автор не отрицает владения баскаков Тулой и после смерти Тайдулы); Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 126; Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. С. 129; Амелькин А.О., Селзнев Ю.В. Куликовская битва... С. 214; Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 29, 31–32.

66. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 114; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258.

допускает разнообразные интерпретации. От интерпретации данного места зависит возможность распространить баскаческую форму управления Тулой на период после смерти Тайдулы в 1360 г.

По мнению К.А. Аверьянова, Тула представляла собой одну из существовавших на Руси «тем» (туменов), изредка упоминаемых в источниках XIV – начала XVI вв.⁶⁷ Эти «тьмы» автор понимает как небольшие автономные политические образования, возникавшие в ходе ордынских междоусобиц в буферной зоне между землями Руси и Степи, в пределах будущей московско-рязанской «украины», под главенством многочисленных ордынских изгоев и их боевых дружин, проводивших оппортунистическую политику балансирования между более крупными государствами. Далее, путем умозаключений, не лишенных неточностей и натяжек, историк приходит к выводу о том, что во главе этих территориальных единиц стояли баскаки, а позднее даруги⁶⁸. Основание считать Тулу такой порубежной «тьмой» автор видит, во-первых, в существовании там татарской администрации во главе с баскаками и, во-вторых, в упоминании Тулы среди земель, перечисленных в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду (1507 г.). Этот документ содержит длинный ряд географических названий, одиннадцать из которых сопровождаются словом «тьма» (все они относятся к территориям Южной и Юго-Западной Руси, не переходя на восточный берег Верхней Оки)⁶⁹. Приведенных аргументов, как нетрудно заметить, явно недостаточно, чтобы присвоить Туле статус татарского тумена⁷⁰. Связь баскаков с ту-

67. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 34–36, 39–40, 46, 47.

68. Там же. С. 33, 43–46. В частности, автор смешивает те тьмы, на которые подразделялись русские земли во второй половине XIII–XIV вв., — практически не локализуемые и не имеющие однозначного толкования (Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 98–99) — и поздние тьмы, уцелевшие лишь на южных окраинах Руси (фактически все предложенные характеристики применимы лишь к последним).

69. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 40.

70. Непонятно, какие еще «тьмы» существовали, по утверждению автора, в Рязанской земле — ссылка на упомянутый ярлык Менгли-Гирея в данном случае несостоятельна (Там же. С. 46). Отводя «московскому дороге», упоминаемому в 1432 г., владения в районе Тулы (Там же), историк совсем забывает о том, что уже с рубежа XIV–XV вв. Тула находилась под властью Рязани, а не Москвы.

менами остается весьма шатким предположением, не подкрепляемом источниками (управление туменом-тмой принято ассоциировать с хорошо известной должностью тёмника, тогда как баскаков обычно связывают с военно-административными единицами или функциями иного порядка⁷¹). Более того, упоминание в ярлыке Тулы без именования её тмой, в то время как целому ряду других территорий тот же документ настойчиво присваивает это наименование, свидетельствует скорее против наличия у неё подобного статуса.

Не меньше разногласий вызывает и второе неясное место московско-рязанского договора. Согласно мнению, преваляющему в исторической литературе, как старой, так и новой, докончание 1381 (1382) г. признавало Тулу владением Москвы⁷². Далеко не всегда представленная точка зрения аргументирована. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин лишь констатируют принадлежность Тулы Москве, никак ее не обосновывая. Первый заменяет точную цитату из текста докончания собственным пересказом-интерпретацией, произвольно отождествляя устанавливаемый договором статус Тулы с иначе сформулированным там же статусом Талицы, Выползова и Такасова, передача которых Москве имела к тому же иные предпосылки и мотивировку; второй, хотя и цитирует в примечаниях документ с некоторыми сокращениями, но по неясной причине обрывает цитату как раз на заключитель-

71. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 15–17, 20, 78, 145–146; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. С. 220–222; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 30, 31; *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений... С. 44; *он же.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. С. 176 (схема), 179; но ср.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 94–95, 126, 146.
72. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1784. Т. 4. Ч. 3. С. 10; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. С. 46; *Полевый Н.А.* История русского народа. Т. 5. С. 132; *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья... Т. 1. С. 114; *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории... С. 212; *он же.* Образование основной... С. 44; *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 411; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 225, 232; *Загоровский В.П.* История вхождения... С. 241. Прим. 31; *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. С. 47; *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна... С. 105; *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 146–147; *Горский А.А.* От земель к великим княжениям. С. 101; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 32.

ных словах статьи, устрняя из поля зрения читателя самый повод к недоумению⁷³. А.Е. Пресняков, признав невразумительность данного места договорной статьи, не стал вдаваться в ее объяснение, проигнорировав существующую проблему⁷⁴. К.А. Аверьянов и А.Б. Мазуров, не рассматривая договор 1381 г. как таковой, тем не менее, уверенно говорят о принадлежности Тулы Дмитрию Ивановичу после указанного года. Того же мнения придерживается А.Г. Кузьмин. Те авторы, которые все же пытаются дать объяснение вышеупомянутому противоречию, либо ссылаются на семантическую амбивалентность союза «и», который в определенных контекстах мог иметь противительное значение⁷⁵, либо предлагают внести в текст документа, сохранившего-

73. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. С. 250.

74. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49. Интересно отметить, что именитый историк, не придавая большого значения пунктуальной точности цитирования (что видно из нескольких ошибок в передаче текста грамоты в том же самом примечании), интуитивно проигнорировал постановку запятых перед союзом «и» в обоих упомянутых выше случаях. Строго говоря, А.Е. Пресняков даже не утверждает прямо, что договор 1381 г. передавал Тулу Москве. Он только констатирует ее принадлежность великому князю Дмитрию, отраженную в тексте dokonчания, предполагая вслед за тем, что последнему, возможно, не удалось «утвердить за собой Тулу» в 1385 г. или же «отказ от Тулы» произошел уже при его сыне (Там же). Оба употребленных автором выражения весьма обтекаемы, их можно понять и в том смысле, что московские князья, не добившись в 1381 г. безусловного признания Тулы своим владением, впоследствии вообще отказались от своих претензий на нее. В такой интерпретации позиция А.Е. Преснякова сближается с осторожной точкой зрения С.М. Соловьева, не решившего высказаться в пользу какого-то одного из возможных толкований этого неясного места (Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен: Т. 3–4. С. 462).

75. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 24. Словарные примеры, на которые ссылается автор (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. С. 75), отражают совершенно иные синтаксические конструкции и потому не могут быть релевантными для интерпретации рассматриваемого речевого оборота. Кроме того, можно сослаться на не менее солидный лингвистический компендиум, в котором противительное значение союза «и» не отмечено (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 438–440). На наш взгляд, приведенные в первом издании примеры противительного употребления союза «и» представляют собой частный случай его присоединительной функции (ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. С. 74), являясь средством передачи не столько противопоставления, сколько развития и результата

ся в копии, эмендацию, заменив ошибочное, по мнению авторов, «и» на «то», которое, как они полагают, значилось в оригинале: «[то] князю великому Дмитрию»⁷⁶, либо указывают на автономный статус Тульской «тмы» (в данном случае, видимо, под верховной властью Москвы), который применительно к концу XIV в. сам по себе нуждается в доказательстве, как и наличие в Туле в это время татарской администрации⁷⁷.

Другая часть историков, также включающая и «классиков», и современных авторов, усматривает в формулировках московско-рязанского dokonчания 1381 г. установление нейтрального статуса Тулы, в исторически обозначенные пределы которой не должны были вступать оба великих князя⁷⁸. Заметим, что признание Тулы независимой как от Москвы, так и от Рязани логически требует замещения образующегося политического вакуума, что неизбежно ведет к признанию существования на этой территории, коль скоро dokonчание не считает ее просто частью Орды, какой-то местной власти, скорее всего связанной тем или иным образом с ее прежними татарскими правителями. Это перебрасывает мост между рассматриваемой концепцией и признанием баскаческого управления Тулой для последней

действия, изложенного в первой части предложения, с той особенностью, что вторичное действие выражено здесь отрицательной глагольной формой. Заметим также, что, во-первых, все без исключения примеры, содержащиеся в интересующем нас разделе, отражают соединение союзом «и» целых предложений, а не однородных членов (хотя последняя возможность и заявлена в аннотации к соответствующей части словарной статьи); во-вторых, каждое из присоединяемых посредством «и» предложений несёт отдельное отрицание, чего не наблюдается в нашем случае. Таким образом, приводимые А.В. Лаврентьевым словарные аналогии не могут быть признаны корректными. Противительное употребление союза «и» в разбираемом фрагменте остается недоказанным.

76. *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 146.

77. *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. С. 47; ср.: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 24. Прим. 71 (критикуемая точка зрения передана не совсем точно).

78. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 207. Прим. 202; *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 257–258; *Егоров В.А.* Граница Руси с Золотой Ордой... С. 22, 26; *он же.* Историческая география Золотой Орды... С. 41–42, 52.

четверти XIV в.⁷⁹ Иные варианты организации управления автономной Тулой крайне маловероятны.

Мы можем согласиться с тем, что лишь добавление необходимого по смыслу уточнения позволяет придать заключительной части договорной статьи отчетливо противительное значение. В ныне существующем виде её окончание представляется синтаксическим осколком с неясным смысловым содержанием. Предлагаемая А.В. Лаврентьевым гипотеза не в состоянии устранить имеющуюся проблему с пониманием данной грамматической конструкции, наоборот, она даже усугубляет её дефектность. В переложении на современный русский язык мы получили бы: «... в то князю великому Олегу не вступаться, а/но/однако князю великому Дмитрию» (?). Однако и в предположении Г.А. Шебанина и А.В. Шекова, как представляется, нет насущной необходимости. Вполне возможно признать рассматриваемое предложение грамматически корректным, но имеющим необычную синтаксическую конструкцию. Тогда его кажущуюся неясность можно будет устранить, не прибегая к конъектурам, а именно принять имена собственные по обе стороны союза «и» за однородные дополнения, симметрично обозначающие те лица, на которые направлен выраженный здесь запрет. Именно из такого толкования мы намерены исходить в дальнейшем.

На сегодняшний день сформулированы две развёрнутые концепции, призванные объяснить согласие Дмитрия Донского, находившегося на вершине своих военных и политических успехов, «уйти»

79. Автономное тульское «баскачество» можно представить и под верховной властью Москвы (*Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 114; ср.: Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 234*). Это снимает видимое противоречие между обозначением Тулы как владения Дмитрия Донского и его же обязательством не вступаться в её пределы, одновременно порождая не менее сложный вопрос: как можно увязать сюзеренитет московского князя над Тулой с абсолютным запретом вмешиваться в её дела? Напомним, что формулой «ся не вступати» в междукняжеских докончаниях определенная территория или юрисдикция ограждалась от любого вмешательства другой договаривающейся стороны, которая тем самым признавала полный отказ от нее. Такое положение явно противоречит традиционному представлению о власти государя-«сюзерена», который мог предоставить подчиненному ему владельцу самые широкие права, но никогда не отказывался от причитающейся ему самому доли власти и контроля.

из Тулы и признать её нейтральный (точнее «ничейный») статус. В.Л. Егоров объяснял происхождение тульского нейтралитета существенным ослаблением ордынского контроля над этим окраинным регионом после смерти Тайдулы и начала «Великой замятни» в Орде и одновременной активизацией притязаний на Тулу со стороны Москвы и Рязани⁸⁰. Возникшая коллизия в итоге была разрешена взаимным отказом двух великих князей от претензий на тульские земли. В.А. Кучкин, в принципе разделяя такой подход, переносит центр тяжести на отношения Москвы с Ордой. После гибели Мамаю и воцарения в Орде Тохтамыша, полагает исследователь, Дмитрий Иванович, опасаясь, по-видимому, навлечь на себя гнев нового хана, не осмелился и далее удерживать важный административный центр, ещё недавно управлявшийся наместниками-баскаками. Вместе с тем, не зная ещё истинных намерений и возможностей нового ордынского властителя, который мог утвердить совершенный им захват, московский князь предпочел оставить пока вопрос о владении Тулой открытым. Одновременно он позаботился о том, чтобы лежавшей «на рязанской стороне» Тулой не завладел его соперник, великий князь Олег. Поэтому в текст договора была включена статья, ограждавшая Тулу от притязаний рязанского князя, что и стало основой зафиксированного окончанием компромисса⁸¹.

Гипотеза В.А. Кучкина имеет то несомненное преимущество, что позволяет убедительно объяснить уступку слабейшей стороне, какой была в то время Рязань, со стороны более сильной Москвы. Слабой её стороной, на наш взгляд, является то, что она не дает объяснения тому факту, что Дмитрий Донской, ставший после куликовской победы бесспорным гегемоном Северо-Восточной Руси, действовавший с позиции силы и имевший основания ожидать от Тохтамыша значительных уступок, не только согласился вернуть в уже аннексированную им Рязань своего поверженного соперника, но и поспешил юридически закрепить свой отказ от Тулы, которую было бы целесообразнее и логичнее удерживать в своих руках, хотя бы ради выгодно-

80. Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой... С. 22–23; *Он же*. Историческая география Золотой Орды... С. 42, 43, 52.

81. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258.

го обмена. Далее мы попытаемся предложить возможные пути преодоления этих слабых мест в целом весьма стройной и убедительной концепции.

Разгромив на Непрядве сильное татарское войско, добившись превращения некогда рыхлого великого княжения Владимирского в сильный военный союз, поддерживаемый большинством князей Северо-Восточной Руси, присоединив к своим владениям княжество Олега Рязанского⁸², прикрывавшее с правого берега Средней Оки московские земли от Серпухова до Коломны, — Дмитрий Донской к концу сентября 1380 г. мог чувствовать себя хозяином положения и уверенно смотреть в будущее. Беспокоить его в это время должны были, прежде всего, напряженные отношения с быстро растущей Литвой, ненадёжный союз с пока что независимыми великими княжествами Тверским и Нижегородским, а также истощение военных сил лояльных ему русских земель, чьи полки понесли тяжелые потери в Мамаевом побоище⁸³. Но и Степь не была едина. Там по-прежнему бушевали междоусобицы, а сильнейший из её правителей, почти два десятилетия претендовавший на гегемонию, потерпел поражение и лишился власти. Всё это ставило московского князя в двойное положение. С одной стороны, он не имел причин идти на поспешные уступки и заискивать перед своими противниками; с другой, должен был избегать излишнего риска, не провоцируя новый конфликт со

82. Бегство Олега Ивановича из своей отчины сразу после Куликовской битвы и посажение там, по соглашению с рязанскими боярами, московских наместников засвидетельствовано как Летописной повестью, так и текстологически связанным с ней кратким сообщением Симеоновской летописи и Рогожского летописца (Памятники Куликовского цикла. М., 1998. С. 10, 41, 81), но о его возвращении летописи прямо не упоминают, а уже в 1381 г., как следует из датировки его договора с Дмитрием, он снова как ни в чём не бывало княжит в Рязани, причём никаких намёков на недавнее изгнание князя и правление наместников договор не содержит; это подчас даёт повод сомневаться в достоверности сообщения о бегстве Олега и временной аннексии Рязани, однако никаких непримиримых противоречий с другими известными фактами признания подлинности этих событий не вызывает и веских причин отвергать их нет (см.: *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 409. Прим. 38).
83. ПСРА. Т. II. С. 69, 72; Т. 20, 1-я пол. С. 203; etc.; *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 113.

Степью, ещё сохранявшей значительный военный потенциал⁸⁴, и внимательно следя за стремительно меняющейся обстановкой. Поэтому в первые месяцы после куликовской победы у Дмитрия Ивановича не было резонов мириться с рязанским князем или добровольно отказываться от такого ценного приобретения, как Тула, тем более что надёжность Олега как союзника в критический момент, когда речь шла о спасении его собственных владений, была предсказуемо невелика, а прямое правление Москвы в Рязанской земле, будь то постоянное или временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, пользовалось поддержкой по крайней мере части рязанского боярства⁸⁵. Прибытие в Москву осенью 1380 г.⁸⁶ ордынских послов с вестью о победе нового хана Тохтамыша над Мамаем резко изменило ситуацию. Послы, по-видимому, не привезли с собой никаких ярлыков или приглашения посетить Орду⁸⁷. Это говорит о том, что Тохтамыш пока не собирался утверждать Дмитрия на владимирском великом княжении или санкционировать его территориальные захваты, к каковым должна была причисляться и Тула, даже если она была пожалована Дмитрию «узурпатором» Мамаем. Есть все основания полагать, что послы предъявили московскому князю, помимо прочего, серьезные территориальные требования, касавшиеся в первую очередь восстановления независимости Рязанского великого княжества как давнего «уруса» и прямого данника Орды и отказа от владения территорией тульского «баскачества»⁸⁸. Выполнение этих условий

84. ПСРА. Т. II. С. 68; Т. 20, 1-я пол. С. 203; etc.; *Варваровский Ю.Е. Урус Джучи...* С. 107; *Почекаев Р.Ю. Цари ордынские.* С. 171.

85. Памятники Куликовского цикла. С. 10, 41, 81.

86. Уже 29 октября Дмитрий Иванович отправил в Орду своих киличеев с ответной миссией (ПСРА. Т. II. С. 69). Приурочение первого посольства Тохтамыша на Русь к осени 1380 г., иногда подвергавшееся сомнению как слишком раннее, содержится уже в самых ранних летописных рассказах о Куликовской битве, демонстрирующих высокую точность хронологии, и подкрепляется независимыми источниками (Памятники Куликовского цикла. С. 20, 17–18).

87. ПСРА. Т. II. С. 69.

88. О получении русскими князьями, которых также посетило посольство Тохтамыша, каких-то серьёзных требований или угроз может свидетельствовать возобновление общерусского княжеского союза 1 ноября 1380 г., т. е. сразу же после отпуска ордынских послов (Там же; *Черепнин Л.В. Образование русского цен-*

подтверждается заключённым в следующем году московско-рязанским договором⁸⁹. Тохтамыш, чьё победоносное войско, опиравшееся на знаменитую своими боевыми качествами конницу Синей орды, пополнилось ещё и бывшими улусами Мамайя, а также покорённой ранее Волжской (Сарайской) орды и Астрахани, имел возможность настаивать на немедленном выполнении своих требований, чтобы не дать ослабленному противнику времени собраться с силами. Вероятно, уже следующее посольство, готовое отправиться в Москву сразу по возвращении первых послов, должно было убедиться в выполнении ханского ультиматума. Оказавшись перед угрозой прямого столкновения с могущественным противником, Дмитрий Иванович был вынужден уступить. Он, однако же, решил воспользоваться тем уязвимым положением, в котором находился по отношению к нему беглый рязанский князь. Дмитрий выставил Олегу ряд условий, на которые тому пришлось пойти, чтобы вернуться в свою отчину. Он должен был заключить неравноправный союз с Москвой, смирившись с ролью младшего партнёра, сделать ряд территориальных уступок⁹⁰,

трализованного государства... С. 627). С последним событием А.Е. Пресняков связывал само возвращение Олега Ивановича в Рязань, считая, по-видимому, примирение с рязанским князем необходимым условием единения русских князей перед лицом новой степной опасности (*Пресняков А.Е. Образование Велико-русского государства. С. 167, 438, прим. 2*). Это предположение не лишено вероятия, но, как уже было сказано, преимущества удержания рязанско-заочного плацдарма в московских руках, очевидно, перевешивали выгоды примирения с Олегом Рязанским, поэтому к соображениям внутривосточного порядка мы считаем необходимым добавить ещё и внешний фактор. Договор же мог быть заключён уже после возвращения Олега на его отчину, почему и обошёлся без упоминания неприятного для него эпизода.

89. В.А. Кучкин, проанализировав текст докончания, датировал его 2-м августа 1381 г. (*Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 246, 343*). К августу 1381 г. относил составление грамоты А.Е. Пресняков (*Пресняков А.Е. Образование Велико-русского государства. С. 410. Прим. 41*). Предлагалась и другая датировка: май–июль 1381 г. (*Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV веков // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 286–287*).
90. Не была ли уступка Олегом Дмитрию трех до сих пор не локализованных мест (Выползова, Талицы и Такасова) (ДДГ. С. 29), по крайней мере, первое из которых могло находиться сравнительно недалеко от Тулы (*Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 258–259*) — но за пределами будущего

а также взять на себя обязательство, наравне с Дмитрием, не вступать в Тулу. Из сочетания тех и других требований и возник текст московско-рязанского договора. Предпринятый московским князем дипломатический манёвр, вопреки его ожиданиям, не встретил понимания в Орде. Тохтамыш счёл себя обманутым. Он, разумеется, рассчитывал видеть рязанского князя своим собственным союзником и вассалом, а не союзником и вассалом Дмитрия. Новый ханский посол Акходжа, по пути в Москву уже достигший Нижнего Новгорода, где он, очевидно, узнал от дружественных Тохтамышу местных князей о заключении московско-рязанского докончания, а возможно, и о каких-то других неприемлемых для Сарая действиях московского правительства, повернул назад⁹¹. Радость и надежда, вызванные в Москве возвращением киличеев, принесших из Орды хорошие вести, быстро сменились тревожным ожиданием новых битв: «И о сем велий страх бысть на всей земле Русстей»⁹². Год спустя, как известно, Тохтамыш уже стоял у стен Москвы...⁹³

Тульского уезда, т.е., очевидно, вне территории «баскачества», — своеобразной компенсацией за утрату тульского владения?

91. ПСРЛ. Т. 8. С. 42; Т. 11. С. 70; Т. 15. Вып. 1. Стб. 142; Т. 18. С. 131; Т. 25. С. 206. Посол Тохтамыша, вероятно, отправился в путь вслед за киличеями московского князя, которые вернулись из Орды в Москву 14 августа 1381 г. (Там же. Т. 11. С. 69; Т. 15. Вып. 1. Стб. 142; Т. 18. С. 131). Главной целью посольства было, по-видимому, убедиться в выполнении всех требований хана, после чего посол должен был звать Дмитрия и других русских князей в Орду (Там же. Т. 8. С. 42; Т. 11. С. 70; Т. 25. С. 206). Последующая раздача приведенным к покорности «улусликам» ханских ярлыков знаменовала бы окончание конфликта и возврат к традиционным отношениям между Русью и Ордой.
92. Там же. Т. 11. С. 69.
93. Признавая сугубую гипотетичность предложенной здесь реконструкции событий, мы не видим, какими ещё известными событиями может объясняться столь очевидный и внезапный разворот в отношении Москвы и Сарая, который по общему контексту и по структуре летописной статьи может быть убедительно датирован августом 1381 г. Сходную оценку посольства Акходжи в 1381 г. дал А.А. Горский, который, однако, считает причиной возвращения посла полученную им (предположительно) информацию об отказе Москвы от выплаты дани (Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 102). Но не должен ли был Тохтамыш узнать об этом ещё от своего первого посольства или от княжеских киличеев? Если же в начале года, когда киличеи были отправлены в Орду, русские князья не отказывались от уплаты дани, что заставило их уже летом изменить свою пози-

цию? Если предположить, что требование дани должен был предъявить сам Акходжа, то возвращение его с половины пути, до получения официального ответа в Москве, было явно преждевременным. Получение в ханской ставке неких неутошительных вестей о русских делах связывал с тем же посольством А.Е. Пресняков, ограничившись при этом констатацией отсутствия в источниках «указаний на причины столь неопределенных отношений» (Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. С. 225).

Преобладающим в историографии, тем не менее, стал иной взгляд на причину неудачи этого посольства, толкующий слова летописи («не дерзну ити», «не смеаху») как указание на робость или боязнь, вдруг охватившую посла и сопровождавший его военный отряд, что, в свою очередь, обычно объясняют возросшей враждебностью к татарам со стороны русского населения и властей и произведённым ею впечатлением на членов посольства (Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5–6: История Российская: Ч. 3–4. Репринт с изд. 1965–1966 гг. С. 151; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. С. 47; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. С. 279; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 1. С. 182; Иловайский Д.И. История России. М., 1896. 2-е изд. Т. 2. С. 139; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь–М., 1997. С. 269; Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 120; Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 77; Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. С. 196; Амеликин А.О., Селзнёв Ю.В. Куликовская битва ... С. 254; ср.: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства ... С. 629 — миссия Акхози имела разведывательные цели и не планировала идти дальше Нижнего Новгорода, её боязнь была мнимой). Объяснение, выдвигающее на первый план испуг вооружённого отряда из 700 человек перед опасностью, суть которой историки затрудняются ясно сформулировать и которая, тем не менее, заставляет всё посольство без сопротивления обратиться в бегство, не исполнив ханского повеления, не может быть признано удовлетворительным. Летописи ничего не говорят о враждебном отношении к посольству Акходжи, о каких-либо угрозах или препонах ему. Предшествующие записи свидетельствуют об оживлённых дипломатических сношениях с Тохтамышем, в ходе которых русские князья держались с подчёркнутым почтением, а послы свободно ходили из Орды в Москву и другие княжеские столицы и обратно. Отсутствует информация о каких-либо инцидентах, связанных с членами обоих посольств или их вооружённым эскортом. Выражения «не дерзну ити», «не смеаху», которые обычно толкуют как свидетельство боязни или растерянности участников посольства, оказавшихся во враждебном окружении, могут означать совсем иное: посол и его товарищи не посмели продолжать возложенную на них миссию, столкнувшись с новой политической ситуацией, не предусмотренной полученным от хана мандатом, например, с отказом русской стороны от каких-то ранее согласованных условий или предпринятыми ею действиями, идущими вразрез с ожиданиями ордынских властей. Кроме того, можно считать приведённые слова вставкой редактора

Последующие бурные события не могли не отразиться на политическом положении Тулы, хотя прямых данных об этом источники не содержат. Вряд ли можем сомневаться в том, что победоносный поход Тохтамыша в августе 1382 г. вернул Тулу в орбиту ордынского влияния⁹⁴. Тохтамыш, которого великий князь Олег «обведе» вокруг своей земли, указав ему броды на Оке, переправился через эту реку возле Серпухова⁹⁵, воспользовавшись, видимо, известным Сенькиным бродом между Серпуховом и Каширой, близ устья Лопасни или одной из близлежащих переправ. Значит, татарское войско огибало Рязанское княжество с юга и юго-запада, что с неизбежностью означало его прохождение через тульские земли или в непосредственной близости от них. Поэтому можно думать, что Тула была возвращена под непосредственный контроль Орды ещё до осады и сожжения Москвы. Не ясно, попытался ли Дмитрий Иванович во время карательного похода на Рязанскую землю в сентябре того же года⁹⁶ вернуть Тулу под свой контроль (такой дерзкий вызов торжествующему Тохтамышу был бы, очевидно, неуместен). Последовавшее вскоре (осень – зима 1382 г.) унижительное примирение с ханом на очень тяжёлых для Москвы условиях⁹⁷ должно было, несомненно, закрепить тот статус Тулы, который был желателен для Орды. Остаётся только предполагать, вернулся ли тульский регион под прямое ордынское управление, стал

свода, желавшего дать толкование неясному известию в «триумфальном» духе, характерном и для других летописных рассказов, с присущим ему стремлением объяснять любое попятное движение противника ужасом, часто необъяснимым, перед русской силой или её небесными заступниками.

94. Не получив одобрения хана, общего сюзерена Москвы и Рязани, договор 1381 г., очевидно, автоматически утратил силу, что подтверждается последующими событиями.
95. ПСРА. Т. 8. С. 44; Т. 11. С. 72, 73; Т. 20, 1-я пол. С. 203; Т. 26. С. 147; etc.
96. Там же. Т. 8. С. 47; Т. 11. С. 81; Т. 25. С. 210; etc.
97. Там же. Т. 11. С. 82–83; М., 2007. Т. 27. С. 334; Л., 1982. Т. 37. С. 78 (под 6891 сент.); Т. 6. С. 103; Т. 6. Вып. 1. Стб. 483; Т. 8. С. 48; Т. 15. Вып. 1. Стб. 147; Спб., 1889. Т. 16. Стб. 130; Т. 18. С. 134; СПб., 1910. Т. 23. С. 129; Пг., 1921. Т. 24. С. 154; Т. 25. С. 210; М.-Л., 1963. Т. 28. С. 84, 248; М., 1978. Т. 34. С. 132; М., 1994. Т. 39. С. 127; Т. 42. С. 148; Т. 43. С. 142 (под 6890 март.). Летописи очень скупо и неясно говорят об этом событии, не раскрывая деталей урегулирования. Некоторые из них цензурируют самое упоминание мира. Лишь по сопутствующим и последующим известиям можно понять приблизительный объём сделанных Дмитрием уступок.

ли он опять полусамостоятельным владением или же был передан на каких-то условиях рязанскому князю. Учитывая стратегическое положение Тулы, контролировавшей наиболее прямой и удобный путь из Степи в сердце Московского государства, первый вариант представляется более вероятным. Постулируемый рядом историков обмен «московской» Тулы на недавно захваченную рязанцами Коломну, как одно из условий «вечного» мира между Москвой и Рязанью, заключённого в ноябре – декабре 1385 г.⁹⁸, остаётся предположением, лишённым доказательств. Поскольку принадлежность Тулы Москве после 1381 г. выглядит весьма проблематичной, а после 1382 г. — даже невероятной, тогда как долговременная оккупация Коломны Олегом Рязанским в 1385 г. не подтверждается прямыми показаниями летописей⁹⁹, сам предмет предполагаемого обмена как с одной, так и с другой стороны, по-видимому, отсутствовал. Этот мирный договор, условия которого совершенно неизвестны, должен был носить менее выгодный для Москвы характер и, несомненно, учитывал интересы Тохтамыша. Как уже говорилось, передача Тулы в чужие руки едва ли могла

98. *Любавский М.К.* Образование основной... С. 75; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 232; *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна... С. 105; *Горский А.А.* От земель к великим княжениям. С. 102–103 (в качестве альтернативной даты предлагается 1383 г.); *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 55, 184; *Он же.* Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 44–57 (утверждение автора, что в 1390 г. Олег Рязанский распоряжался землями по р. Шат, впадающей в Упу недалеко от Тулы, основано на произвольном толковании источника). *А.Е. Пресняков*, не выдвигая идею обмена, допускает, что Дмитрий Донской мог отказаться от Тулы в 1385 г., как и то, что Тула могла отойти к Рязани уже при Василии I (*Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 411). Той же даты (1385 г.) придерживаются, не упоминая об обмене: *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 148. Ко времени княжения Василия Дмитриевича относит утрату Тулы *В.Л. Егоров* (*Егоров В.Л.* О времени возникновения Тулы: Проблемы и версии // Тула историческая: Прошлое и настоящее: Материалы научно-практической конференции, посвященной 850-летию г. Тулы. Тула, 1997. С. 32–33).
99. ПСРА. Л., 1928. Т. 1. 2-е изд. Вып. 3. Стб. 537; Т. 20, 1-я пол. С. 205; Т. 23. С. 130; Т. 27. С. 256, 334; Т. 28. С. 85, 248; Т. 37. С. 78; Т. 39. С. 127; Т. 42. С. 150; Т. 43. С. 145; ср.: Т. 8. С. 49; Т. 11. С. 86–87; Т. 15. Вып. 1. Стб. 150–151; Т. 18. С. 135–136; Т. 24. С. 155–156; Т. 25. С. 211; Т. 34. С. 133–134.

считаться в Сарае оптимальным вариантом, до тех пор, пока существовала возможность прямого контроля.

Существенное изменение территориально-политического статуса Тулы фиксируется новым (вторым из ныне известных) московско-рязанским докончанием 1402 г. Это докончание, заключённое между великим князем Василием I Дмитриевичем и только что унаследовавшим великокняжеский стол в Переяславле-Рязанском Фёдором Ольговичем, недвусмысленно предписывает московским князьям «не вступатися» не только «в Тулци», но и «в Берести», но уже не содержит такого же требования к рязанскому князю¹⁰⁰. То же самое условие повторяется в аналогичных договорах 1434 и 1447 гг., содержащих более привычную форму «Тула»¹⁰¹. Именно асимметричность требований, предъявляемых докончанием 1402 г. и двумя последующими московско-рязанскими договорами, не позволяет считать рассматриваемые перемены простым возвратом к положению 1381 г. Даже если, как будет показано ниже, у нас нет достаточных оснований причислить Тулу в первой половине XV в. к собственно рязанским владениям, формулировка докончаний заставляет предполагать тесную политическую связь Тулы с Рязанью в указанное время.

Более точная хронология этой важной вехи в тульской истории затрудняется отсутствием актов или летописных сообщений с упоминанием Тулы за предшествующие годы. Начавшаяся во второй половине 80-х гг. XIV в. война Тохтамыша с его бывшим покровителем Тимуром, протекавшая в основном на восточных и южных границах Орды, должна была способствовать ослаблению власти хана над его русскими владениями. Особенно фатальными для политических позиций Тохтамыша были два крупных поражения, понесённые им от войск среднеазиатского эмира в 1391 и 1395 гг.¹⁰² Между 1395 г. и окончательным изгнанием его из Степи в 1398 г. власть Тохтамыша над Русью стала практически неосуществимой, тогда как политика Тимура на

100. ДДГ. С. 53.

101. Там же. С. 84, 143.

102. См.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 138–140; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. Ч. 3. Гл. 3; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 209–210, 214.

данном этапе содействовала ослаблению и децентрализации Золотой Орды, её дроблению на полусамостоятельные территории¹⁰³. Такое развитие событий открывало возможность как для Москвы, так и для Рязани возобновить притязания на Тулу. Московский князь добился от Орды в 1392 г. и последующие годы существенных территориальных приращений за счёт земель, почти целиком расположенных по течению Оки¹⁰⁴. Это могло вызвать в Сарае желание уравновесить возросшую политическую мощь Москвы в Поочье симметричным усилением Рязани¹⁰⁵.

Помимо того, вопрос об обладании Тулой не может рассматриваться в отрыве от резкой активизации литовского направления внешней политики Рязани в 90-х гг. XIV в.¹⁰⁶ С одной стороны, контроль над тульским регионом, отделявшим восточные владения Литвы от основного массива рязанских земель, представлял собой непременное условие успешного осуществления военных походов рязанских войск на запад, в области Верхней Оки и Брянщины (а также обеспечивал возможность литовских походов на Рязань, минуя территорию Орды)¹⁰⁷; с другой, отчётливо обозначившееся стремле-

103. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 140; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 214–215.

104. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 440. Прим. 18; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 138–139; *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 119–123.

105. Русские летописи фиксируют в 80–90-е гг. XIV в. ряд оборонительных и наступательных военных столкновений Рязанского княжества с татарами (ПСРА. Т. 11. С. 93, 95, 122, 123, 127, 156, 184, 187), а также большое посольство в Рязань из Орды (Там же. С. 167). Это можно считать признаком возросшей политической активности Рязани, что должно было стать дополнительным фактором, побудившим Орду учитывать рязанские интересы в тульском вопросе.

106. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 170; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 212–217.

107. Поход Олега Рязанского на Любутск в 1393 г. и ответный поход литовского войска на Рязань (*Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 212–213) может поэтому служить верхним хронологическим рубежом для перехода Тулы под власть Рязани, что хорошо согласуется с общей политической ситуацией, обрисованной выше. (Впрочем, летописное известие, на которое ссылается автор, может дублировать события 1396 г.) Г.А. Шебанин и А.В. Шеков указывают на отсутствие монет с рязанской надчеканкой в четырёх кладах, найденных в бассейне Средней (скорее Нижней) Упы, ниже Тулы (на территории Одоевского и Крапивенского уездов начала прошлого века), сокрытие которых от-

ние Олега Ивановича к экспансии в этом направлении (возможно, поощряемое Тохтамышем и затем Тимуром¹⁰⁸) неизбежно толкало его к установлению эффективной власти над территорией в среднем течении Упы.

Непосредственные обстоятельства закреплённого соглашением 1402 г. политического поворота неизвестны. Можно, однако, предположить, что переход Тулы под верховную власть или покровительство сравнительно более слабой Рязани, безоговорочно признанный могущественной Москвой, был обусловлен не военным захватом, который наверняка спровоцировал бы ответные меры со стороны Сарая и Москвы и плоды которого рязанской стороне было бы крайне затруднительно отстоять, а дипломатическим соглашением, посредством коего Тохтамыш стремился закрепить ценный в военном отношении тульский регион за более слабым из своих вассалов и потенциальных противников¹⁰⁹. Лишившись возможности прямого вмешательства в русские дела, Орда была вынуждена вернуться к

носят к 1380–1400 гг. (два из них датируются началом 90-х гг. XIV в.), делая отсюда вывод об утрате рязанским князем контроля над данным регионом, которую они связывают с литовским походом на Рязань в 1396 г. (*Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 149). Авторы не уточняют, относят ли они к означенному региону и Тулу, хотя их слова можно понять именно в том смысле. Тенденции, выявленные с смежным с Тулой регионе, можно было бы распространить и на территорию «баскачества», однако они говорят вовсе не о прекращении власти Рязани над этой территорией в конце XIV в., а об её отсутствии (или слабости) в более раннее время, тем более что клады, оказавшиеся в земле, по словам самих авторов, в начале 90-х гг., никак не могут быть следствием военного похода, состоявшегося «зимой 1395–1396 гг.» (Там же). Вернее было бы связать частое выпадение кладов в это время с обострением борьбы за Тулу и соседние с ней земли в бассейне Упы, что вполне согласуется с вышеизложенными фактами.

108. *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 213, 216. Заинтересованность золотоордынских правителей в антилитовской политике Рязани могла стать ещё одним стимулом к переуступке ей Тулы.
109. Нельзя исключить возможности передачи Тулы уже после бегства Тохтамыша в Литву в 1398 г. (*Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 140), но такая акция со стороны торжествующих противников хана представляется менее вероятной, нежели уступка, сделанная самим слабеющим Тохтамышем. Своевременное признание Олегом Рязанским смены власти в Орде, вероятно, закрепило выгодный для Рязани статус-кво.

политике взаимного противопоставления наиболее опасных для неё русских князей.

Во второй половине 20-х – 30-е гг. XV в. сложившееся равновесие сил было нарушено сначала началом междоусобно-династических войн в Московском государстве, а затем быстрым разрастанием схожих с ними внутренних конфликтов в Литве после смерти великого князя Витовта. В этот период несколько расширяется — к сожалению, ненадолго — круг источников тульской истории: к междукняжеским докончаниям прибавляются материалы переписки Витовта с высшими сановниками Тевтонского ордена и ряд документов, отложившихся в архивах Великого княжества Литовского. В послании Витовта великому магистру Ордена от 1 января 1425 г., сообщающем об отражении в предыдущем году татарского набега на Одоев, Тулу и Рязань¹¹⁰, говорится, в частности¹¹¹, о нападении одного из ханов, соперничавших в то время за власть над степью, на «нашу отдаленнейшую пограничную землю», расположенную недалеко от Московии¹¹², и о его приходе «под одну из наших крепостей¹¹³, называемую Тулой»¹¹⁴ («und von danne so was her ouch in unsere weitste graniczen landt hie ken Moskauwen wert in komen under unser huwser einen Twla genant»). В том же письме упомянута и Рязань, чьи князья «ныне также послушны» Витовту («den herczogen von Rassani in ire landt, die ouch itczundt uns

110. Также см.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 199; Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 205–210; ср.: Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 185, где этот поход неверно датирован 1422 г.
111. Здесь и далее перевод наш, перевод Р.А. Беспалова (Беспалов Р.А. Битва коалиции... С. 207–208) дан в сносках.
112. «И так, названный царь в той самой Одоевской стране грабил (разорил) и находился тогда более полных трех недель, и потом отсюда пошел в наши отдаленные пределы страны, в сторону Московии...».
113. Словом «huwser» здесь, как и в других посланиях Витовта, составленных по-немецки, обычно обозначаются укрепленные пункты или крепости. Вероятно, оно является стандартным для такого рода документов переводом известного по литовско-русским источникам термина «замок», с тем же значением.
114. «... под наш замок (крепость), называемый Тула, и находился там вероятно целых восемь дней (целую неделю).»

gehorsam sint»¹¹⁵)¹¹⁶. Приводимые в письме сведения о Туле и Рязани, несмотря на их краткость, позволяют провести довольно четкое различие между политическим статусом одной и другой¹¹⁷. Тогда как Рязань является отдельной землей (landt) и управляется собственными князьями, зависимыми от Витовта, Тула представляет собой всего лишь пограничное укрепление в одной из окраинных земель великого князя Литовского. Следовательно, между Тульской и Рязанской землями и пролегал в то время крайний восточный рубеж Литвы, точнее, один из участков границы великого княжества с вассальными княжествами, находившимися с Вильно в той или иной форме договорных отношений.

Содержащаяся в рассмотренном письме информация о подчинённости Тулы подтверждается единственным известным окончанием между Литвой и Рязанью, заключенным между 1425 и 1430 гг.¹¹⁸ и превращавшим великого князя Рязанского Ивана Фёдоровича в служебника Витовта¹¹⁹. Оно предписывает Витовту «не вступатися» в Рязанскую землю, «вотчину» великого князя Ивана Фёдоровича, но с важной оговоркой: «... вынемши Тулоу, Берестей, Ретань с Паши¹²⁰,

115. «И увидев, что здесь ничего не сможет сделать, двинулся он дальше в страну герцогов рязанских, которые также теперь повинуются нам.»

116. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae (1376–1430) / Coll. op. A. Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6. Cracoviae, 1882. Р. 688. Перевод этого послания, в котором почему-то пропущен фрагмент с упоминанием о Туле, см.: *Барбашев А.И.* Витовт: Последние двадцать лет княжения: 1410–1430. СПб., 1891. С. 190; тот же самый перевод воспроизведён: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 199. Недавно опубликован новый полный перевод письма Витовта: *Беспалов Р.А.* Битва коалиции... С. 207–208.

117. Ср.: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 185.

118. Традиционно его относят, опираясь на точно датированное известие о посещении Витовтом своих восточных владений и принятии им в это время присяги на верность и послушание от рязанского и пронского князей, к 1427 г. (*Барбашев А.И.* Витовт. С. 198 (прим. 19), 196; *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 294–295; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 190, 191). Иногда договор датируется 1428 г., когда состоялась повторная встреча Витовта с рязанским князем (*Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 149 – 150), однако уже за пределами Рязанской земли.

119. Как следует из письма Витовта, зависимость Рязани от Литвы могла существовать и ранее.

120. Так в издании. Следует читать «Ретань, Спаши».

Дорожен, Заколотен Гордеевской»¹²¹. Смысл этого изъятия до сих пор остается предметом дискуссии. Многие историки считали и считают, что все эти места передавались Витовту¹²². А.Е. Пресняков

121. ДДГ. С. 68. «...Тула-город, со вѣсими ихъ выходы и данми, и з землями, и з водами; Берестей и Рагунъ ... Испашъ» фигурируют также в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея Сигизмунду I 1507 г. (*Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. P. 557; АЗР. 1848. Т. 2. С. 5; Сборник князя Оболенского. М., 1838. № 1. С. 87–89; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. P. 84).* Ещё ранее, ок. 1462 г., те же названия («...Tula z wodami, ziemiami, i ze wszelkimi pożytkami ich; Biresta ...») перечислены в аналогичном ярлыке Хаджи-Гирея вел. кн. Казимиру (1440–1492), — ср. в ярлыке Менгли-Гирея Казимиру (ок. 1473 г.): «...Bulahrod [Tula hrod] z ziemiami, wodami etc.; Berestaya ...» (*Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate... P. 530, 533, 540, 544; Беспалов Р.А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европы XIV–начала XVI в. // Средневековая Русь. М., 2014. [Вып.] 11. С. 299. Прим. 207).* Сведения этих ярлыков, отражающих запоздалые претензии Литвы на территории Заочья, интересны именно тем, что доносят до нас в более или менее сохранном виде содержание более ранних ярлыков, начиная со времён Витовта, ныне утраченных (о существовании ярлыка, выданного Тохтамышем Витовту, см.: *Prochaska A. Z Witoldowych dziejow // Przegląd Historyczny. 1912. № 15/3. S. 260–264; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV–начало XVI вв. М., 2001. С. 135; Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate... P. 15, 269).* Раздел, включающий упоминание Тулы и других заокских городов, мог быть впервые включён уже в один из ярлыков, выданных Витовту в 1420-е гг., хотя существование таковых не доказано, или же в ярлык Хаджи-Гирея вел. кн. Сигизмунду (1432–1440), текст которого частично сохранился в составе упомянутого ярлыка Хаджи-Гирея Казимиру (*Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate... P. 270).* Присутствие Тулы крымских ярлыков в одном параграфе с Любутском и Мценском, центрами литовского наместничества в верхнеокских землях, вряд ли заслуживает пристального внимания (ср.: *Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье... С. 279)*, так как ярлыки нередко сводили вместе очень далёкие друг от друга города.
122. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 207. Прим. 202. В данном автором переводе литовско-рязанского докончания «вынемши» передаётся словами «с уступкою (Литве)» (Там же. С. 207). *Брянцев П.Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889. С. 255; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья... СПб., 1891. Т. 2. С. 596; *Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 42–43, 194, 226, 234; *Егоров В.Л.* О времени возникновения Тулы. С. 33; *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 150–151; *Шебанин Г.А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Ве-

не усматривал в этом условии уступки перечисленных мест Литве, а лишь противопоставление их «перемыслинской вотчине» (к которой они, по мнению историка, могли и не принадлежать ни тогда, ни ранее), «надо полагать — как пунктов спорных между Москвой и Рязанью», судьба которых должна была определяться при участии Витовта¹²³. А.В. Лаврентьев признаёт, что Литва в той или иной форме осуществляла управление указанной территорией, но, по его мнению, «скорее всего, речь шла не о прямом включении региона в состав Великого княжества Литовского»¹²⁴. Ясно лишь, что этот новый статус отличен как от первоначального нейтрального (договор не содержит запрета вступаться в указанные земли для Витовта и не подразумевает таковой для Рязани), так и от последующего «прорязанского».

Таким образом, Тула, ещё в 1402 г. находившаяся в сфере влияния Рязани, если не под прямой её властью, спустя 20–25 лет предстаёт исключённой из зоны рязанского политического контроля и упоминается в ряду территорий, права на которые резервирует за собой Литва. Эта новая перемена в политических судьбах тульского владения обусловлена крупными геополитическими успехами великого князя Витовта, достигнутыми в последний период его правления. Остаётся пока что неясным, с каким именно событием в истории литовско-рязанских отношений, известных нам далеко не удовлетворительно, следует связать установление литовского верховенства над Тулой. Наиболее подходящим временем для этого представляется второе десятилетие XV в., когда Витовту удавалось время от времени сажать на престол в Орде своих протеже¹²⁵, один из которых вполне мог выдать ему желаемый ярлык на Тулу, реализовать который затем было относительно несложно посредством военно-политического на-

ликое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 472, 474; Горский А.А. От земель к великим княжениям. С. 103; Полехов С.В. Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 266.

123. Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. С. 414, прим 83.

124. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 201, 203.

125. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 266 и сл., 279–280, 289.

жима на Рязань¹²⁶. Во всяком случае, это событие должно находиться в прямой связи с окончательным крахом рязанского наступления на спорные с Литвой пограничные территории, приблизительно совпавшим с кончиной великого князя Олега Ивановича в 1402 г. Этому как будто противоречит один из вариантов летописного рассказа о соглашении Витовта с Тохтамышем по поводу раздела будущих владений (1398–1399 гг.): «Витовт рече: „Я тебя посажу на Орде, и на Сарай, и на Болгарех, и на Азтархан, и на Озове, и на Заятцькой Орде, а ты мене посади на Московском великом княжении и на всей Семенатьцати тем и на Новгороде Великом и на Пскове, а Тверь и Рязань моя есть, а Немцы и сам возму”»¹²⁷. Однако не имеющее параллелей известие о столь раннем подчинении Витовтом Рязани, скорее всего, анахронично¹²⁸. Так или иначе, ревизия политических границ Рязанского

126. В 1408 г. Фёдор Ольгович Рязанский обращался за помощью против поддержанного Ордой пронского князя к Москве (*Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 172). Немедленное прибытие в Рязанскую землю московской рати, при отсутствии сведений о возможности литовского вмешательства в конфликт (которое было бы логичным, учитывая наличие в то время у Рязани и Литвы общего врага – хана Большой Орды: ПСРА. Т. II. С. 202–203), красноречиво свидетельствует о внешнеполитической ориентации Рязанского княжества в это время. Однако ослабление Москвы и других земель Северо-Восточной Руси (в т. ч. Рязани) в результате нашествия Едигея (конец 1408 г.) и рост влияния польско-литовского объединения после победы при Грюнвальде (1410 г.) благоприятствовали мирной экспансии Литвы в русских землях. Уже в 1411 г. представители Рязани вели переговоры с королём Ягайло, совершавшим совместно с Витовтом объезд земель великого княжества Литовского; здесь же присутствовали посланцы Новгорода и Пскова, к этому времени снова вовлечённых в польско-литовскую орбиту (*Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 278, 276, 282). Возможно, уже к 1415 г. в сферу влияния Литвы вошёл Елец (Там же. С. 293), расположенный к юго-востоку от Тулы и ранее зависимый от Рязани.

127. Цит. по: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 226 (из Хронографа 1512 г., опубли.: ПСРА. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 423).

128. В 1393 г. Олег Иванович выдал Ягайло, которого он именует «нашим» (т.е. своим, *pluralis majestatis*) королём, поручную грамоту за своего зятя Дмитрия-Корибута Ольгердовича (Акты, относящиеся к истории южной и западной России. СПб., 1865. Т. 2. № 67). Этот акт отражает тесную политическую связь Рязани с Литвой вплоть до первых лет правления Витовта. Однако уже зимой 1395/96 гг. Олег находится в состоянии войны с Витовтом из-за Смоленска, и этот конфликт, по-видимому, не прекращается до самой смерти рязанского князя (*Пре-*

княжения в пользу Литвы, насколько можно судить, относится уже ко времени после смерти Олега Ивановича.

Кончина Витовта в 1430 г. и начало династической войны в Литве привели к возвращению прежнего статус-кво, закреплённого московско-рязанским договором 1434 г. Однако Литва, по-видимому, сохраняла контроль над тульским регионом ещё некоторое время после смерти Витовта. В списке городов и земель, принадлежавших великому князю Свидригайло (1432 г.), названы, среди прочих, «Tula castrum // Rereste [читай Bereste] // Dorczen // Rethun»¹²⁹. На высказываемые иногда сомнения в реальности литовского контроля над этими землями можно возразить, что в список не были включены, несмотря на наличие служебных договоров с Витовтом (а во втором случае и с самим Свидригайло), ни Рязань, ни Одоевско-Новосильское княжество. Это означает, что составитель списка (который, как и сходные с ним списки, легшие в основу литовско-рязанского докончания и крымских ярлыков, должен был восходить к какому-то официальному документу великокняжеской канцелярии) стремился тщательно различать территории, находившиеся под прямой властью великого князя, от вассальных княжеств. Какие-то остатки владений Литвы в Заупье, в районе верховьев Упы, существовали ещё при великом князе Казимире (1440–1492), т.е. уже после прекращения литовской власти над Тулой и Берестием¹³⁰.

Какой же вывод о политическом статусе Тулы можно сделать на основе рассмотренных документов, отражающих непродолжительный период её зависимости от Литвы? По нашему убеждению, территориальная принадлежность в это время Тулы Великому княжеству Литовскому не подлежит сомнению и должна быть чётко отделена от

сняков А.Е. Образование Великорусского государства. С. 170; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 212–217; ср.: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 119).

129. *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла»: Датировка и публикация // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 112–115 (здесь же обоснование датировки), 119.
130. *Lietuvos metrika: Knyga Nr. 3 (1440–1498) = Литовская метрика: Книга записей 3 (1440–1498).* Vilnius, 1998. P. 46; *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество... С. 306.

наблюдаемого в те же годы зависимого статуса Рязани. Этот вывод, тем не менее, не снимает всех вопросов. Прежде всего, не существует достаточных свидетельств безоговорочного отказа рязанского князя от перечисленных в его договоре с Витовтом территориальных изъятий. Не накладывая на литовскую сторону обязательства не вступаться в эти владения, договор не требует аналогичных обязательств и от рязанского князя. Также не лишена двусмысленности формулировка статьи, которая не подтверждает, но и не отрицает прямо принадлежности указанных территорий рязанской «вотчине», ограничиваясь несколько необычной формулой изъятия («вынемши»), что может быть понято и как отказ литовского господаря признавать их частью наследственных владений рязанских князей, и как временное или условное исключение этих земель из состава княжеской «вотчины», без нарушения теоретической целостности последней как политического идеала, который может быть со временем восстановлен. Кроме того, часть земель, перечисленных в Списке городов Свидригайло, на самом деле являлись совладениями Литвы и Новгорода, другие же представляли собой территории, пребывание которых под единоличной властью Литвы не подтверждается источниками¹³¹. Всё вышесказанное не исключает и какой-то формы кондоминиума Литвы и Рязани в интересующем нас регионе, при доминирующей политической роли первой. Он мог подразумевать право Витовта держать на этой территории свои военные гарнизоны (вспомним Тулу, названную им «одной из наших крепостей»), принимать на свою службу местных бояр, взимать в свою пользу часть налогов и пошлин и т. п., при сохранении всех или части этих прерогатив также и за Рязанью.

Как в московско-рязанских dokonчаниях, так и в договоре между Рязанью и Литвой нетрудно заметить действительно подчеркиваемую обособленность Тулы и сопутствующих ей территорий от собственно Рязанской земли, которая во всех этих грамотах упомянута, вместе с рязанскими князьями, отдельной фразой¹³². Хотя эта особенность

131. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. С. 198–201.

132. Любопытная параллель имеется в нумизматическом материале клада, обнаруженного близ южной окраины г. Тулы и сокрытого в первой половине 20-х гг. XV в. Этот клад, состоящий из золотоордынских монет и их подражаний и

изредка отмечается в литературе¹³³, большинство историков проходит мимо очевидной двойственности в формулировке статьи, отмечая лишь переход Тулы под власть Рязани или обязательство Москвы не вступаться в неё и даже не пытаться в своей трактовке правового статуса Тулы дать объяснение указанному факту¹³⁴. Попытка объяснить его тем, что Тула долгое время сохраняла «возможно, просто в силу традиции, некую административную “особость”»,¹³⁵ не разъясняет с достаточной ясностью ни историческую обусловленность этой «особости», ни причины столь устойчивого её сохранения. Противоположной крайностью является признание статуса Рязани, определяемого dokonчаниями 1402, 1434 и 1447 гг., идентичным ее положению по договору 1381 г.¹³⁶ При этом игнорируется тот факт, что последний документ предусматривает взаимный отказ от притязаний на Тулу (или, во всяком случае, отказ от неё Рязани), тогда как три

включающий даже московскую монету, не содержит экземпляров рязанской эмиссии или монет с рязанским надчеканом, хотя последние присутствуют, например, в близком по времени кладе, найденном в верхнем течении р. Упы, близ известного Костомарова брода (*Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 150–151). В этой связи обращает на себя внимание также отсутствие Тулы в рязанском разделе Списка русских городов дальних и ближних, отражающего в основном ситуацию конца XIV в., хотя в нём нашлось место даже небольшим городкам, впоследствии бесследно исчезнувшим (*Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Он же.* Русское летописание. М., 1979. С. 118 и сл.). Нет Тулы и в других частях Списка.

133. *Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды... С. 41, 52; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 184; *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье... С. 260.
134. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. С. 123, 145; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 2. С. 462; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 207–209; *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 597; *Загоровский В.П.* История вхождения... С. 241. Прим. 31; *Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 148–149, 152; *Горский А.А.* От земель к великим княжениям. С. 102–103.
135. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 184.
136. *Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды... С. 41, 52. Автор полагает также, что до самого конца XIV в., судя по договору 1402 г., Тула юридически оставалась под номинальной властью Орды (Там же. С. 43). Почему бы тогда не распространить этот предполагаемый статус ещё и на первую половину XV в., принимая во внимание два последующих договора, формулировка которых относительно Тулы совершенно идентична?

последующие dokonчания требуют такого отказа лишь от Москвы. Особого внимания заслуживает позиция И. Д. Иловайского, отличающаяся некоторой непоследовательностью. Не сразу отметив различие между территориальными положениями dokonчаний 1381 и 1402 гг., И. Д. Иловайский, однако, как видно из дальнейшего его изложения, признавал принадлежность Тулы Рязанскому княжеству ко времени заключения второго из них, а также позднее, приписывая происшедшую перемену совершённому Олегом Ивановичем захвату «вопреки условиям 1381 г.»¹³⁷. Следует заметить, что и аналогичная статья 1381 г. рассмотрена Иловайским не на своём месте и как бы мимоходом, в не очень тщательно отделанном примечании. Видимо, историк далеко не сразу оценил значимость статей московско-рязанских договоров, касающихся Тулы. Отсюда и заметная растерянность и противоречивость в их толковании. При изложении последующих московско-рязанских dokonчаний тот же автор уже ясно причисляет Тулу к владениям Рязани¹³⁸, что, если рассматривать его точку зрения в целом, не противоречит и пониманию им договора 1402 г.

Сложившийся между Москвой и Рязанью территориальный статус-кво был кардинально изменен в третьей четверти XV в. в результате купли, совершенной великим князем Василием II Темным, сведения о которой содержатся в следующем по времени заключения московско-рязанском dokonчании 1483 г.¹³⁹ Все земли за Окой к западу от линии, проведенной по рекам и переволокам от устья Смедвы, через верховья Осетра, в обход излучины Прони и выходящей к Дону у устья Таболы, ниже позднейшей Епифани, были закреплены за Московским государством¹⁴⁰. В том же dokonчании они впервые названы «купля отца нашего» (Ивана III). К сожалению, регламентирующий эту сделку договор не сохранился, неизвестны ни ее условия, ни время заключения. Давно сложившийся исследовательский консенсус

137. *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 203, ср. с. 207, прим. 202.

138. Там же. С. 208–209.

139. ДДГ. С. 285, ср. с. 354; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь. М., 2004.* [Вып.] 5. С. 131.

140. Поскольку указанная граница идет, с небольшими отклонениями, с севера на юг, земли на московской стороне должны лежать к западу от неё.

относит данную «куплю» ко времени между 1456 г., когда осиротевший рязанский князь Василий Иванович надолго оказался под опекой (а фактически в полной власти) Москвы, и 1462 г. — датой кончины Василия II¹⁴¹. Отсутствие упоминаний о приобретённых благодаря этой сделке землях в духовной Василия II и в особом дополнении к ней, которые были составлены между началом мая 1461 и концом марта 1462 г., дает основание указать более точную дату купли: последние месяцы (или даже недели) жизни великого князя¹⁴². По мнению А.В. Лаврентьева, «юридическое закрепление» купли и ее письменная фиксация, с формальным включением соответствующих территорий в состав Московского государства, произошли лишь в 1483 г.¹⁴³

С этой куплей обыкновенно связывают также переход в руки Москвы Тулы и будущих земель Тульского уезда¹⁴⁴. Действительно,

141. *Загоровский В.П.* История вхождения... С. 23, 25, 27; *Горский А.А.* Московские «примыслы». С. 140, 184; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 131, 140. Сама передача наследника Рязани под опеку московского князя может быть связана с активизацией в это время восточной политики Казимира IV, стремившегося восстановить на востоке сферу влияния Литвы, существовавшую при Витовте; признаки оживления этой политики заметны и позднее, совпадая по времени с отпуском в 1464 г. повзрослевшего князя Василия Ивановича на его рязанскую отчину (*Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // *Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.* С. 187–189). Уступка Москве западных земель великого княжества Рязанского могла, следовательно, оправдываться необходимостью создания территориального буфера между рязанскими и литовскими владениями как гарантии от возобновления литовской экспансии в направлении Рязани.
142. *Любавский М.К.* Образование... С. 110; *Загоровский В.П.* История вхождения... С. 27; . Альтернативное объяснение того факта, что купля Василия II осталась не отраженной в его духовной грамоте (*Дедук А.В.* «Рязанская» купля Василия Темного... С. 143), не представляется нам убедительным.
143. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. С. 156, 162, ср. с. 131, 181: в 1483 г. купля была «актуализирована». Автору так и не удалось четко разграничить два предполагаемых этапа купли с точки зрения их содержания и обосновать необходимость разнесения во времени принципиального заключения сделки и ее формального и фактического осуществления. Вследствие этой неопределенности само совершение купли приписывается в разных местах текста то Василию II, то Ивану III.
144. *Щепкина Е.* Тульский уезд в XVII-м веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892. С. IV, ср. с. VI; *Любавский М.К.* Образование основной... С. 110; *Загоровский В.П.* История вхождения... С. 25; *Лаврентьев А.В.* По-

если провести на карте означенную выше линию границы, весь бассейн Упы (возможно, кроме самого верхнего ее течения) окажется на московской стороне. Проблема, однако, в том, что топонимы, приведённые в трёх сохранившихся перечнях компонентов «купли», расположены за пределами древнейших известных границ Тульского уезда (конец XVI в.)¹⁴⁵. Правда, два из трёх перечней — в докончании 1483 г. (Тешилов, Венев, Растовец) и в духовной грамоте Ивана III 1503/1504 гг. (Тешилов, Рославль¹⁴⁶, Венев, Мстиславль) являются открытыми, оканчиваясь словами «и иная/иные места»¹⁴⁷. Однако настораживает то, что перечисление приобретенных Москвою волостей не включает главный объект прежних территориальных споров и урегулирований — саму Тулу, административный и военный центр давно определившегося региона. Возможно ли, что столь важная составная часть «купли» была скрыта под скромной этикеткой «и иная места»? Можно предложить два пути разрешения указанной проблемы.

1) Более ранние московско-рязанские докончания (кроме первого из них, упомянувшего одну только Тулу) содержали стереотипный набор названий (Тула и Берестий), не менявшийся в продолжение почти полу столетия. Ясно, что тем самым фиксировалась политико-географическая ситуация, сложившаяся в самом начале XV в. или

сле Куликовской битвы. С. 136, 164, 184; *Горский А.А.* Московские «примыслы». С. 166, 136, 184; *Он же.* От земель к великим княжениям. С. 103; *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье... С. 282, 371. Исключением является точка зрения Г.А. Шебанина и А.В. Шекова, которые полагают, что Тула не входила в куплю, поскольку она не упомянута ни в докончании 1483 г., ни в духовных Ивана III и Ивана IV (*Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 152–153).

145. ДДГ. С. 285, 330, 354; ср.: ПКМГ. Отд. 2. С. 1073–1260.

146. Рославль указан, очевидно, по ошибке вместо Растовца (ср.: ДДГ. С. 435). Растовец (Ростовец) находился на востоке Каширского уезда (ПКМГ. Отд. 2. С. 1359). Составитель завещания мог случайно контаминировать малоизвестный Ростовец с соседним рязанским Ростиславлем, употребив это название в стяжённой форме «Рославль» (ср. омонимичный топоним в Смоленской земле).

147. ДДГ. С. 285, 354. В духовной Ивана III указанные названия объединены общим именем «Заречье». Докончание Ивана III с вел. кн. Александром Казимировичем 1494 г. перечисляет те же топонимы, что и духовная Ивана III, но без слов «и иные места» (Там же. С. 330).

еще раньше (если те же топонимы были приведены в более ранних несохранившихся докончаниях). Однажды выработанная сторонами формулировка автоматически переносилась из старой докончальной грамоты в новую, вместе со многими другими статьями, подтверждая неизменность прежних отношений. Фактическое положение вещей «на местах» могло за это время существенно измениться (например, в результате участвовавших татарских набегов и войн первой половины XV в.), однако эти изменения не находили отражения в тексте договоров, поскольку обе стороны хорошо знали, о каких именно территориях идет речь. Соглашение 1483 г., напротив, отражало новые политико-географические реалии, которые было необходимо тщательным образом зафиксировать. Это заставило составителей документа актуализировать географическую информацию, относящуюся к территориям, передаваемым Москве. В результате архаичные и утратившие былую значимость названия, локализация которых до сих пор не выяснена, были отставлены, а их место заняли наиболее важные географические объекты, существовавшие на момент заключения договора. Такая гипотеза могла бы объяснить, почему ни один из топонимов «тульской» группы, наиболее полный перечень которых содержится в литовско-рязанском докончании, не упоминается позднее середины XV в. (за исключением самой Тулы, которая могла быть заново отстроена и заселена)¹⁴⁸. И всё же трудно представить, что для такого немаловажного и обладающего давней исторической субъектностью региона, как тульский, не нашлось в новом договоре хотя бы какого-то географического маркера.

2) Тула не была составной частью купли Василия II либо по каким-то причинам не смогла стать таковой фактически. Такому предположению, казалось бы, противоречит чёткое обозначение в договоре 1483 г. московско-рязанского рубежа, западнее которого, по буквальному смыслу договорной статьи, должен был находиться сплошной массив новоприобретённых московских земель. Подобная формулировка не могла бы иметь места, если бы рязанская сторона пожелаала выставить

148. Перечисление этих названий в более поздних крымских ярлыках, по всей видимости, механически воспроизводит список первой половины–середины XV в.

какие-либо ограничительные условия или определить исключения в отношении передаваемых земель — территориальная уступка рязанцев была полной и безоговорочной. Следовательно, существовали какие-то иные препятствия, помешавшие Москве рассматривать Тулу как объект совершённой купли. В завершающей части статьи мы попытаемся выявить эти факторы.

Прежде всего, следует задаться вопросом, как управлялась Тула и зависимая от неё территория после Тайдулы и баскаков, упомянутых договором 1381 г. Упоминание Тулы отдельно от совокупных владений рязанских князей исключает, видимо, власть над нею кого-либо из последних, как и их наместников и волостелей. Нет данных и о принадлежности тульских земель «верховским» князьям или кому-либо из литовских удельных правителей. Не могла быть Тула и обычной частью ордынских владений, иначе не было бы необходимости обособлять её в тексте докончаний (дань традиции здесь — явно недостаточный мотив), ни словом не вспоминая про Орду, зато оставляя открытой для рязанской стороны возможность какого-то участия в делах этой территории. Остается предположить, что Тулой управлял кто-то из татарских «царевичей», князей, мурз или всё тех же баскаков/даруг, состоявших, по крайней мере формально, под протекторатом Рязани¹⁴⁹.

Этот промежуточный вывод позволяет по-новому взглянуть на известную обособленность тульского региона в политической системе Рязанской земли. Исторические корни Тулы как особого татарского владения могли надолго определить политическую форму этого региона, сохранявшуюся даже многие десятилетия спустя после перехода Тулы под верховную власть Рязани. Это проявлялось как в сохранении некоторой экстерриториальности, неразтворённости в общей массе рязанских владений, так и, возможно, в продолжении традиций управления данной территорией, организованного по ордынскому образцу (по-прежнему во главе с баскаками, действующими уже в иных поли-

149. Мысль о продолжении власти баскаков над Тулой, лишь номинально подчинённой Рязани, в XV в. уже высказывалась ранее (*Шебанин Г.А., Шеков А.В.* О политической принадлежности Тулы... С. 153), но эта версия не была развёрнута, оставшись спонтанным предположением, лишённым необходимого обоснования и контекстуализации.

тических условиях и иной этнокультурной среде?). Это, конечно, не равнозначно сохранению на столь длительный исторический срок и в полном объёме прежней потестарной организации тульского региона и его этнической специфики. Речь идёт, прежде всего, об особом внутри- и внешнеполитическом статусе, поддерживаемом вначале всё ещё достаточно сильной ордынской властью, а затем, вероятно, и другими заинтересованными сторонами, не желавшими попадания этого важного региона, занимавшего ключевое положение на пути между Степью и севером Русской равнины, под исключительную гегемонию какой-либо одной из региональных «держав». Именно с этой точки зрения номинальная принадлежность «Тульского коридора» наиболее слабому в данном ареале политическому игроку, Рязани, могла наилучшим образом отвечать интересам её более могущественных соседей — Москвы, Литвы и Орды (включая преемников последней). Формально это могло выражаться в признании ими рязанского «протектората» над Тулой, гарантированного обязательством более крупных государств не вмешиваться в её дела и не добиваться контроля над ней. Гарантией самой этой конфигурации служила система политического равновесия между крупнейшими державами региона, многосторонний характер которой не позволял нарушить основополагающий принцип «тульского компромисса» даже во время заметного усиления одной из держав.

Совершая свою куплю, Василий II не мог нарушить исторически сложившийся и взаимно гарантированный статус Тулы, не столкнувшись с противодействием Литвы, вновь перешедшей к активной внешней политике на восточных границах (см. выше), и набирающего силу Крымского ханства, готового взять под контроль степные сакмы, ведущие к «Тульскому коридору», тогда как само Московское государство ещё не полностью оправилось от последствий разрушительной внутренней войны. Возможно, именно эти причины заставили московского правителя отказаться от немедленного присоединения Тулы, формальные права на которую давали ему условия рязанской купли. В то же время он предпочёл не вносить упоминание Тулы в условия сделки (если, конечно, текст dokonчания 1483 г. и близкие по времени списки присоединённых мест адекватно передают террито-

риальную основу соглашения), чтобы, не раздражая раньше времени внешнеполитических конкурентов, но и не отказываясь от заманчивого приза, оставить за собой и своими наследниками возможность в подходящий момент решить вопрос о Туле с максимальной выгодой для интересов Москвы. Сын и наследник Василия Иван III (1462–1505) придерживался той же осторожной политики, что нашло своё отражение в докончании 1483 г. и в его духовной грамоте 1503/1504 гг. — оба документа не содержат упоминаний о Туле. Всё это время, вплоть до 1509 г., когда «на Туле» был поставлен по приказу Василия III деревянный город¹⁵⁰, Тула не упоминается ни в актовых, ни в нарративных источниках. Можно поэтому предположить, что переход Тулы и подчиненной ей территории под власть Москвы состоялся не сразу после совершения Василием II его заокской «купли», а значительно позже — между 1503 и 1509 гг.¹⁵¹

Этот вывод подтверждается и уточняется любопытным свидетельством, содержащимся в «Записках» С. фон Герберштейна. Дипломат-мемуарист сообщает, что ещё в правление Василия III (1505–1533), т. е. не позднее 1526 г., когда Герберштейн в последний раз побывал в Московии, в Туле сидел свой особый («собственный») князь / государь (*proprium principem, ain aigner Fürsst*)¹⁵². Вероятно, посол узнал об этом от кого-то из своих русских собеседников, сообщивших ему немало крайне интересных фактов, не сохранившихся

150. Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 157; etc.

151. Некоторые исследователи, указывая на неупоминание Тулы в духовной Ивана IV (завещание Василия III не сохранилось), относят формальное присоединение её к Русскому государству ко второй половине XVI в.: Бурцев И.Г. Загадка Симеона Бекбулатовича // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Вып. 2. Т. 2. С. 142–146. Однако о существовании Тульского уезда и его станов известно из двух жалованных грамот Василия III местным землевладельцам 1519 г. (Каишанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 325, 326), т. е. уже в это время Тула находилась в составе великокняжеского домена и имела однородную с другими русскими землями административную структуру. А.В. Дедук в своей критике построений И.Г. Бурцева упускает из виду это важное свидетельство (Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье... С. 271).

152. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Ред. А.А. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 308–309.

в других источниках. Книга Герберштейна, как известно, содержит немало ошибок, однако этому сообщению, как кажется, можно доверять: хотя дипломат сумел собрать сведения о множестве русских городов, лишь в единичных случаях сообщается о наличии там особых правителей, и эти сведения либо находят себе прямое подтверждение, либо выглядят в соответствующем историческом контексте вполне вероятными¹⁵³. Возражения, приведённые в комментариях к изданию, нельзя признать убедительными¹⁵⁴. Указание на некое высокое положение, занимаемое в Туле князьями Волконскими, которое будто бы могло послужить исторической основой разбираемого известия, не соответствует действительности. Волконские никогда не имели статуса служилых князей, чьи владения иногда приближались по размерам и связанной с ними властью к удельным¹⁵⁵. Их родовые вотчины располагались не в районе Тулы, а в расположенной ниже по течению Упы волости Волкона, одном из уделов Тарусского княжества, вошедшей в XVI в. в состав Алексинского уезда, и в соседней с ней Колодне, включённой в том же столетии в Тульский уезд как одна из его периферийных волостей (станов); в остальных станах Тульского уезда им принадлежало лишь несколько обычных поместий¹⁵⁶. По своему служебному статусу они принадлежали к категории детей боярских далеко не первого ряда и не получали в первой половине XVI в. высо-

153. По поводу известия Герберштейна о «владельце Каширы», достоверность которого также оспаривалась комментаторами, см.: *Иглесиас Р.Ф.* Владельцы и правовой статус каширского (каширско-серпуховского) «юрта» в последней четверти XV – первой трети XVI вв. // *Каптеревские чтения*. Вып. 16. М.–Серпухов, 2018. С. 89–91.

154. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 2. С. 412.

155. Достаточно будет сказать, что в сводном историко-генеалогическом исследовании А.А. Зимины, посвящённом боярским и служебно-княжеским родам, представители этого рода не упомянуты ни разу: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988 (по указателю).

156. *Дедук А.В., Шеклов А. В.* Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2018. № 3. С. 34–41; ПКМГ. Отд. 2 (см. по указателю, вышедшему отдельным изданием: *Писцовые книги / Изд. Русское географическое общество*. СПб., 1895. Ч. 1: Указатель).

ких назначений. Отражённая в разрядных книгах служба Волконских в Туле была вполне заурядной, они не фигурируют там даже в первых воеводах (такое положение было бы исключено для служилого князя, оборонявшего свою отчину во главе собственного военного контингента). Не относились Волконские и к числу «родословных людей», их местнический статус в указанное время был довольно низким (так, разряды фиксируют их службу «под» Внуком Григорьевым и Ивашкой Тутыхиним, выходцами из не слишком знатных помещичьих родов); представители рода, известные в первой половине XVI в., носили мало престижные имена, не свойственные высшей аристократии (Митя, Потул, Верига). Даже их княжеский титул в рассматриваемое время не получил ещё полного признания¹⁵⁷. Как видим, на роль правителей Тулы и даже отдалённого прообраза таковых Волконские совершенно не подходили. Поэтому мы в праве усматривать в свидетельстве Герберштейна последний отголосок того полуавтономного положения Тулы, которое было унаследовано ею от времён царицы Тайдулы и баскаков и, постепенно размываясь, окончательно угасло под властью первых «государей всея Руси»¹⁵⁸.

Список сокращений

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства / Изд. Русское географическое общество. Ч. 1: Писцовые книги XVI века / Ред. Н.В. Калачов. СПб., 1877

157. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В.И. Буганов. М., 1966. С. 58, 62, 64, 67, 91.

158. Быть может, Тула, подобно соседним Кашире и Серпухову, время от времени давалась в держание кому-то из татарских «царевичей». Вместе с тем, в последнем тульском «князе» допустимо видеть прямого преемника власти баскаков, потомки которых, возможно, приняли крещение, подобно своим братьям с Червлёного Яра (см. выше).

Библиография

- Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.
- Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.
- Барбашев А.И.* Витовт: Последние двадцать лет княжения: 1410–1430. СПб., 1891.
- Беспалов Р.А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 205–210.
- Он же.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европы XIV – начала XVI в. // Средневековая Русь. М., 2014. [Вып.] 11. С. 257–326.
- Бобринский А.[А.]* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890. Ч. 1.
- Брянцев П.Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889.
- Бурцев И.Г.* Загадка Симеона Бекбулатовича // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Вып. 2. Т. 2. С. 112–173.
- Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.
- Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь–М., 1997.
- Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Он же.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. [Вып.] 5. С. 114 – 190.
- Он же.* От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
- Он же.* Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 113–141.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.–Л., 1950.
- Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54.
- Он же.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: Методика локализации. Дисс... канд. ист. наук. М., 2018.

Он же. «Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV–начале XVI в. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2012. Вып. 5. С. 142–169.

Дедук А.В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2018. № 3. С. 34–41.

Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках // *Вопросы истории*. 1985. № 1. С. 16–29.

Он же. Золотая Орда перед Куликовской битвой // *Куликовская битва: Сб. статей*. С. 174–213.

Он же. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010.

Он же. О времени возникновения Тулы: Проблемы и версии // *Тула историческая: Прошлое и настоящее: Материалы научно-практической конференции, посвященной 850-летию г. Тулы*. Тула, 1997. С. 30–33.

Он же. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // *Вопросы истории*. 1974. № 8. С. 36–50 *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV веков // *Проблемы источниковедения*. М., 1958. Вып. 6. С. 275 – 324.

Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988.

Иглесиас Р.Ф. Владельцы и правовой статус каширского (каширско-серпуховского) «юрта» в последней четверти XV – первой трети XVI вв. // *Каптеревские чтения*. Вып. 16. М.–Серпухов, 2018. С. 69–116.

Иловыйский Д.И. Исторические сочинения. М., 1884. Т. 1: История Рязанского княжества. Екатерина Романовна Дашкова. Граф Яков Сиверс.

Он же. История России. М., 1896. 2-е изд. Т. 2.

Он же. История Рязанского княжества. М., 1858.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5.

Каргалов В.В. На степной границе: Оборона крымской укрaines Русского государства в первой половине XVI в. М., 1974.

Кашитанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // *Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958*. С. 302–377.

Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 1.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 62–83.

Он же. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003.

Он же. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3–21.

Он же. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. С. 26–112.

Лаврентьев А.В. Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: История и культура: Сб. статей. Коломна, 2009. С. 44–57.

Он же. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011.

Он же. «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV – 1-й половины XV вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 211–235.

Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918.

Он же. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Назитов И.И. Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242–1502 годы). Пермь, 2014.

Насонов А.Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.-Л., 1940.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., 1797.

Полевой Н.А. История русского народа. М., 1833. Т. 5.

Полехов С.В. Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Он же. «Список городов Свидригайла»: Датировка и публикация // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 112–121.

Почекаев Р.Ю. Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб., 2012.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998.

Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2; М., 1990. Т. 3.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2; М., 1979. Вып. 6.

Сметанина С.И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 58–69.

Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен: Т. 3–4.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5–6: История Российская: Ч. 3–4. Репринт с изд. 1965–1966 гг.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Флоря Б.Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182–189.

Он же. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сб. статей. С. 142–173.

Хорошкевич А.А. Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1977. С. 186–209.

Он же. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Шебанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 458–479.

Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV в. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 145–155.

Щепкина Е. Тульский уезд в XVII-м веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892.

Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1784. Т. 4. Ч. 3.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1; СПб., 1891. Т. 2.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.

Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

Prochaska A. Z Witoldowych dziejow // Przegląd Historyczny. 1912. № 15/3. S. 260–264.

The origin and peculiarities of the Tula territory in the 14th and the 15th centuries

Ricardo F. Iglesias

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

riglesias@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of territorial affiliation of Tula and its neighbourhood in the 14th and the 15th centuries in connection with the intersection of the political interests of Moscow, Lithuania, the Horde and lesser Russian principalities in the middle reaches of the Upa river. Revision of earlier hypotheses and reconsideration of extant sources leads the author to a new interpretation of some historical and geographical realities and allows him to re-define the role of Tula as a “buffer” area in the relationship between the major political forces operating on the borders of the lands of ancient Rus’ and the steppe world.

Keywords: Tula, formation, primary sources, Lithuania, Moscow, Ryazan, Taidula, buffer zone.